

Михаил Палев

Византийский манускрипт

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Византийский манускрипт

«Палев Михаил»

2009

Палев М.

Византийский манускрипт / М. Палев — «Палев Михаил»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-32805-5

Давным-давно Ангел, стерегущий Врата между мирами, доверил свою тайну смертному, после чего разобрал Врата и в виде сверкающих пластин укрыл в разных местах Земли. Орден Проповедников уже восемьсот лет пытается найти пластины, чтобы собрать Врата и навеки запереть их. Единственным документом, описывающим ритуал собирания Врат, является Византийский манускрипт. Древний свиток ищут и те, кто мечтает о славе, богатстве и власти, а в ходе поисков совершаются ритуальные убийства. В наше время из-за него погибает молодая девушка, бесследно и необъяснимо исчезает журналист Виктор Брен. Распутывать это загадочное дело по неосторожности берется частный сыщик Тавров...

ISBN 978-5-699-32805-5

© Палев М., 2009
© Палев Михаил, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Палев

Византийский манускрипт

*С глубокой признательностью
за помощь в подготовке книги
Лене Шульге и Владу Кудасову*

Пролог

Дом номер 36 на Наличной улице был самой обычной панельной двенадцатиэтажкой постройки начала семидесятых годов прошлого века. Кудрин не любил такие дома – ему нравились длинные прямые проспекты Васильевского острова с мрачно-торжественными фасадами старых питерских строений. Кудрин вырос именно в таком доме на Большом проспекте: высокие потолки коммуналки, узкие дворики-колодцы, тоннели подворотен и каретный сарай у парадного. А это унылое бетонное сооружение оскорбляло своим видом его любимый Васильевский.

У входа в парадное курил опер из «убойного» отдела 60-го отделения милиции капитан Меркулов.

– Привет, Саша, – поздоровался Меркулов. – Ну, что... Пойдем, глянешь? Похоже на случай, какой два месяца назад на Литейном был.

– Посмотрим, посмотрим, – проворчал Кудрин.

Они поднялись на лифте на седьмой этаж. Меркулов достал из пачки новую сигарету и приготовил зажигалку.

– Что, такое же неприглядное зрелище, как и на Литейном? – спросил Кудрин.

Меркулов передернул плечами:

– Слава богу, не наш район. Видел только фотографии. Похоже на то...

Они вошли в однокомнатную квартиру, и Кудрин сразу увидел труп на полу. Тело лежало ничком, и Кудрин не сразу понял, что это обнаженная девушка: волосы ее слиплись и пропитались кровью и еще чем-то липким, а к спине словно прилепили багровый пластырь. Лишь приглядевшись, Кудрин понял, что к спине ничего не прилепили, а совсем наоборот: содрали лоскут кожи размером с лист писчей бумаги.

– Вот, – сказал Меркулов, пропуская вперед Кудрина. – Барсукова Екатерина Викторовна, тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, студентка третьего курса исторического факультета ЛГУ. Квартира съемная, сейчас ищем хозяев. Что скажешь?

– Нет, не похоже на Литейный, – высказался Кудрин. – Там расчлененка, а здесь только кожу со спины содрали.

– Не только, – возразил Меркулов. – Вспороли грудную клетку и вытащили сердце. Сердце, кстати, пока не нашли. Перевернуть тело?

Кудрин отрицательно мотнул головой и принялся: в воздухе стоял какой-то странный лекарственный запах. Похоже, что запах исходил от пола, покрытого клочьями желтоватой осевшей пены.

– Это что за запах? – спросил он.

– Кровь, – пояснил Меркулов. – Из нее всю кровь выпустили.

– Нет, не этот, – поморщился Кудрин. – Химический такой запах...

– Да? Ты чувствуешь? – удивился Меркулов. – Кстати, соседка вызвала наряд потому, что почувствовала какой-то странный запах. Я решил, что она придушивается, старая карга... Оказывается, нет! Ты вон тоже чуешь. А я не чувствую ничего: думал, что уж все выветрилось.

– Вот ты говоришь, что кровь всю из нее выпустили, – с сомнением заметил Кудрин. – И где же кровь?

– А вон! – указал Меркулов на клочки пены. – Эксперт сказал, что кто-то облил пол перекисью водорода. Отсюда и запах.

– Подожди! – перебил его Кудрин. – Да тут этой перекиси нужно немерено! В чем же ее принесли?

– А там, в кухне, пустые баллоны из-под воды «Аква Минерале», – ответил Меркулов. – Возможно, что в них.

Кудрин недоверчиво покачал головой:

– Ты когда-нибудь видел, чтобы на месте преступления оставляли труп, а следы крови пытались уничтожить перекисью водорода?

– Нет, – признался Меркулов. – Хотя разные случаи бывали. Вот помню, когда я был еще стажером, так случилось дело: мужик пол вымыл разными моющими средствами так тщательно, что следов крови экспертиза так и не смогла обнаружить. Но сам он этой химией так надышался, что в больницу попал – на том и погорел. Его «Скорая» увезла, а сосед пошел ключи искать, чтобы квартиру закрыть. Зашел заодно в туалет, а санузел там совмещенный... Короче, мужик чуть не рехнулся: хозяин квартиры труп растворял в кислоте, в ванне. Зрелище, я тебе скажу, было похлеще этого!

– Ты мне лучше скажи, что ты здесь еще странного видишь? – спросил Кудрин.

– Да уж, странного немало, – согласился Меркулов и принялся перечислять: – Если она кого-то привела, то для чего? Чай они не пили. Спиртное? Не знаю, ничего такого мы не нашли. Возможно, что убийца все унес с собой, но не похоже. В кухне порядок, посуда в сушилке сухая, будто ею с утра не пользовались. Тряпка, которой стол протирают, тоже сухая. И постель не разобрана, не измята. Короче, никаких следов посиделок или любовного свидания.

– А комната тебе не кажется необычной? – поинтересовался Кудрин.

– Да, в какой-то степени, – согласился Меркулов. – На первый взгляд комната как комната: метров двадцать, обычная для небольшой однокомнатной квартиры. А имущества в ней: стеллаж с книгами и раскладушка у стены. Ну, вон коврик еще в углу валяется. Телевизор и магнитола в кухне стоят. И все! Даже для небогатой студентки слишком уж аскетично. И еще очень странно: нет разных безделушек, которыми девчонки свои комнаты украшают.

– А отпечатки уже сняли?

– Сняли. Отпечатков полно, но все они принадлежат Барсуковой. А вот дверные ручки и выключатели в ванной и в комнате протерты. Ну, что еще? Жилой сектор уже отрабатываем.

Кудрин пробежал взглядом по корешкам книг. «Магический ключ Соломона», «История колдовства»... Набор книг ограничивался историей и эзотерикой. А не носит ли убийство ритуальный характер? Впрочем, доказательств этому пока нет: возможно, убийца просто садист или каннибал.

Меркулов закурил очередную сигарету от предыдущей, а окурки спрятал в металлическую коробочку.

– Для конспирации, что ли? – усмехнулся Кудрин.

– Нет, просто сигареты купил по акции: к двум пачкам дали карманную пепельницу в подарок, – пояснил Меркулов и деловито осведомился: – Ну, так что? Будете убийство на Литейном с этим объединять? Я же знаю: у вас там в прокуратуре еще несколько подобных дел.

– Нет, – решительно ответил Кудрин. – Не вижу связи.

– Ну, вот! – с досадой проворчал Меркулов. – Так и знал! Отработаем жилой сектор, контакты, и если не будет никакой зацепки, то верный «глухарь». Чувствую, не нароем ничего. Я «глухари» этим самым местом чую!

И Меркулов выразительно похлопал себя пониже спины.

– Ладно, экстрасенс, – усмехнулся Кудрин. – Я поехал, а ты проследи, чтобы у нее с пальца кольцо не пропало. Занятное колечко!

– Я пытался его снять, но оно крепко сидит, – признался Меркулов. – Кстати, никаких других украшений, даже бижутерии, мы не обнаружили. А почему это кольцо тебя так заинтересовало?

– Странное какое-то, – ответил Кудрин. – Слишком массивное, серого невзрачного металла... не похоже на простое украшение. Вообще странно как-то все.

– Кстати, мы тут голубиные перья нашли, – сказал Меркулов. – Посмотришь?

– Я что, орнитолог? – отшутился Кудрин и направился к дверям. Выходя на лестницу, он обернулся и напомнил Меркулову: – Про кольцо не забудь. Очень мне любопытно это колечко!

Глава 1

Тавров выключил компьютер и встал из-за стола, разминая спину. День закончен, но расслабляться рано: впереди еще путь домой, последний рывок длиной в час, проклятые мегаполисов. Метро и автобус. Офис рядом со станцией метро, всего-то минут пять пешком. А вот автобуса не избежать! Хорошо, хоть маршрутки в последнее время появились. А то ведь автобус и полчаса прождать можно. Да, права была Ленора: надо перебираться в другой район. Пусть хуже дом и меньшая площадь, но поближе к метро. Можно, разумеется, купить автомобиль, но Тавров испытывал глубокое отвращение к процессу «кручения баранки». Кроме того, пробки... Нет, лучше переехать поближе к метро!

Единственная загвоздка: к переездам Тавров испытывал не менее глубокое отвращение, чем к «кручению баранки».

Надо бы кофе выпить, набраться сил для рывка домой. Но Катю он уже давно отпустил, а самому варить кофе не хотелось. Вот что действительно нужно: купить кофеварку! Именно для таких случаев. Хотя, пожалуй, лучше выработать привычку вовремя уходить домой.

Телефонный звонок прервал размышления Таврова. Звонила Ленора.

– Так и знала, что ты до сих пор в офисе. Слушай, я в растерянности: что подарить Ефросинье? У нее юбилей, ты не забыл?

– Я... м-м... – промычал невразумительно Тавров в смятении. Естественно, он не забыл о юбилее, потому что он о нем и не знал. Но Ленора и не ожидала ответа: диалог, в ее понимании, был всего лишь разновидностью монолога, где слушатели время от времени должны подавать некоторые признаки жизни короткими репликами. «Я... м-м» вполне подходило для подобной цели, и Ленора не стала дожидаться продолжения фразы.

– Я так и знала, что обо всем придется думать мне! Так вот что я надумала: тебе все равно некогда заниматься подарком, а даже если ты что-нибудь и решишь купить, то вряд ли это будет то, что нужно.

– Да, но... – попытался возразить Тавров, но Ленора пресекла робкую попытку возражения в зародыше.

– Что значит «но», Валера?! Помнишь, как ты мне подарил на день рождения этот ужасный груднинг?

– Спиннинг, Ленора, спин-н-нинг!

– Какая разница?! Главное вот что: если женщина как-то раз сказала, что с удовольствием съездила бы на рыбалку, то это вовсе не означает, что ей надо дарить на день рождения удочки, сачки и крючки. Так вот: мы вручим подарок Ефросинье вместе, от нас двоих. Я выберу, а ты оплатишь, хорошо? Я, разумеется, верну тебе половину, но не сейчас, потому что мне надо расплатиться за путевку... Подожди секунду, у меня мобильник... Ой, это Ефросинья! Я тебе потом перезвоню.

Тавров с облегчением положил трубку, торопливо достал свой мобильник, отключил его и покинул офис.

В метро было довольно свободно: преимущество езды не в час пик. А вот автобус оказался в своем репертуаре и мстительно показал ему свой хвост, едва Тавров выбрался на поверхность из душных подземных переходов. Тавров взглянул на часы: половина одиннадцатого, на этом направлении маршрутки после десяти вечера уже практически не ходят. Автобус же появится не раньше чем через полчаса. Делать нечего! И Тавров поднял руку, останавливая попутную машину.

Машина оказалась выдавшей вида «шестеркой». За рулем сидел пожилой человек с аккуратной седой бородкой и очками в золотистой оправе. Тавров назвал улицу и предложил пятьдесят рублей.

– Садитесь, мне в ту же сторону, – отозвался водитель и добавил: – Только рядом со мной садитесь, а то задние дверцы плохо закрываются.

Поехали.

– Я вообще редко вожу кого-либо, только если по пути, – сказал водитель. – Да и на машине нечасто в последнее время езжу. Я человек науки, так что на бензин едва хватает, не то что на новую машину.

– Вы математик? – почему-то спросил Тавров.

– Нет, источниковед, всю жизнь в университете работаю, на историческом факультете. Сейчас уже редко лекции читаю, больше пишу... тороплюсь завершить несколько работ. Возраст... сами понимаете. А вы на пенсии?

– Да. Полковник милиции в отставке. Сейчас у меня свое частное детективное агентство.

– Вот как? А какими делами вы занимаетесь? – заинтересовался водитель.

– Всеми, кроме криминала, пропавших автомобилей и семейных разборок, – ответил Тавров, доставая визитку. – Так что, если понадобится, обращайтесь. Прошу!

Водитель взял визитку и спросил:

– Скажите, а пропавшего человека вы можете найти?

– Да, это наш профиль, – подтвердил Тавров и поинтересовался: – Простите, как вас зовут?

– Далинский Владимир Петрович.

– Очень приятно... А меня – Валерий Иванович. Так кого вам, Владимир Петрович, найти надо? Друга юности или должника?

– Нет, что вы! – рассмеялся водитель. – Я никому ничего не должен, и мне, слава богу, тоже никто не должен. А друзья юности... лет десять тому назад я побывал на встрече однокашников по альма-матер, тридцать лет выпуска. Повидались, выпили слегка, поговорили, обменялись телефонами... и все! Даже странно. А ведь мы были так дружны в студенчестве! Нет, какие там долги... просто один человек... Когда к вам лучше прийти?

– Лучше утром, к одиннадцати. Секретарша в офисе с десяти. Если меня вдруг не будет, подождите, кофе выпейте за счет заведения.

Машина остановилась. Тавров протянул полтинник.

– Мне как-то неудобно с вас деньги брать, – заколебался было водитель.

– Берите, берите! – настоял Тавров. – Ведь, если вы придете ко мне и мы заключим договор, тогда уж придется за все платить вам.

Он тогда не думал вновь увидеть подвезшего его человека.

* * *

Тавров приехал в офис в начале двенадцатого. Далинский сидел в приемной.

– Катюша, доброе утро. Кофейку мне, хорошо? Приветствую, Владимир Петрович! Прошу в кабинет.

Тавров усадил гостя в глубокое кресло напротив своего стола, одной рукой включил компьютер, другой принял кружку с кофе от Кати, с наслаждением сделал большой глоток и осведомился:

– Вам налить кофе, Владимир Петрович?

– Нет, спасибо, – отказался Далинский. – Я уже пил кофе утром, стараюсь не злоупотреблять. Сердце, знаете ли, давление...

– Хорошо, тогда приступим к делу. – Тавров отставил кружку и отправил на печать бланк стандартного договора. Принтер старательно зашуршал и выплюнул листок, на нем сочно чернел убогий текст.

– Изучите, Владимир Петрович.

Далинский взял листок и, слегка запинаясь, спросил:

– Э-э... так вы беретесь за поиски?

– А почему нет? – отозвался Тавров. – Я же сказал, что это мой профиль. Прочтите текст, изложите суть дела, я оценю предварительные расходы, подпишем договор – и вперед! Годится?

Далинский кивнул, торопливо нацепил на нос очки и принялся читать договор. Тавров успел посмотреть рассылку с анекдот. ру и допить кофе, прежде чем Далинский положил договор на стол.

– Итак? – вопросительно посмотрел Тавров на Далинского. Тот вместо ответа достал ручку и подписал договор.

– Вас не интересует предварительная смета расходов? – удивился Тавров.

– А смысл? – пожал плечами Далинский. – Возможно, вы его уже завтра найдете. Или вдруг всю страну придется перетряхнуть. Я буду оплачивать ваши услуги, пока есть деньги... для меня это важно, понимаете?

– Хорошо. – Тавров предложил: – Тогда приступим!

– Да-да... а с чего начать? – снова занервничал Далинский.

– А с самого начала. Первое: кого я должен найти?

– Брен, Виктор... отчества не знаю, на вид лет около сорока. Блондин, голубые глаза... залысины... рост около метра восьмидесяти... что еще?

– Фотографии нет?

– Нет, но... дома у него можно поискать.

– Хорошо, – пробормотал Тавров, занося данные в компьютер. – Кем он вам приходится?

– А... э-э... – растерялся Далинский. – В сущности, никем...

– А зачем тогда вам его искать? – задал резонный вопрос Тавров.

Далинский развел руками, не зная, что сказать.

– Хорошо, давайте так: при каких обстоятельствах вы познакомились с Виктором Бреном?

– Видите ли... я всю жизнь преподавал в университете, источниковедение... Я вам говорил. Очень часто сидел в архивах, и по работе, и для интереса. Сначала, в молодости, хотел найти библиотеку Ивана Грозного... а потом уже всерьез занялся. У меня есть такая особенность: я могу в течение максимум пяти минут вспомнить – где, когда и по какому поводу встречал упоминание о том или ином человеке, событии или предмете. Поэтому ко мне часто обращаются за справками... понимаете? Иному человеку, чтобы найти что-нибудь в архивах, годы могут понадобиться, а я за пять минут вспомню.

– Да, это очень ценное качество, – согласился Тавров. – И платят клиенты неплохо? Впрочем, это я к слову... можете не отвечать.

– Да что там скрывать! – махнул рукой Далинский. – Разумеется, каждый старается отблагодарить. Сейчас деньгами в основном. Но я цену не назначаю, иногда даже ишу бесплатно, аспиранту, например...

– А Брен был аспирантом?

– Нет, он журналист. Работал в журнале «К городу и миру». А ко мне обратился вот с чем: показал фотографию одного артефакта. И спросил: не попадалось ли мне что-нибудь подобное в виде описаний или рисунков в архивах?

– Артефакт? – поднял бровь Тавров.

– Ну, некий предмет искусственного происхождения, обычно представляющий загадку, – объяснил Далинский.

– И что это был за загадочный предмет?

– Прямоугольная пластина с нанесенной на нее римской цифрой I. Фотография была старая, черно-белая, но я сразу вспомнил, где уже видел нечто подобное.

– И где?

– За полгода до этого примерно такую же пластину приносил один молодой человек, Кудасов Владислав... Александрович. Он называет себя уфологом: ездит по стране, изучает якобы следы пришельцев и все такое... Так вот, я сразу вспомнил, где видел нечто подобное, и дал Брену телефон Кудасова. Брен попросил вспомнить, не спрашивал ли меня еще кто-нибудь о подобном предмете. И тут я вспомнил, что еще раньше Кудасова ко мне обращалась питерская студентка, Бьянка Кайтелер, с просьбой помочь в разборке ее семейного архива. У нее вызвали интерес записки отставного капитан-командора русского флота Николая Дудича и древний манускрипт на пергаменте. Моя помощь понадобилась ей потому, что в записях Дудича было много непонятных сокращений и оборотов речи того времени, а также вставки на латыни; манускрипт же был написан на греческом. Наибольшие трудности вызвал манускрипт: текст выцвел, и вообще пергамент был поврежден временем. Хорошо, что я работал с отсканированными текстами и их легко можно было увеличить. Я так и не понял суть текста и потому не уверен, что перевод получился достаточно адекватный, хотя я и консультировался у известного специалиста по мертвым языкам. Он высказал предположение – и я с ним согласился, что это алхимический трактат, написанный принятым в то время у алхимиков языком со специфической терминологией и символикой. Впрочем, документ действительно древний, не позже XII века, и, что действительно редко для того времени, не палимпсест...

– Простите, что? – не понял Тавров.

– В раннем Средневековье в Европе из-за дороговизны пергамента писцы часто счищали малоценный, с их точки зрения, старый текст и наносили новый. Такие документы называются палимпсестами. Варварство, разумеется, – но только с позиций исторической науки. А какой-нибудь монах искренне полагал, что делает святое дело, стерев текст язычника Аристотеля и заполнив очищенный пергамент рассуждениями о том, сколько чертей может поместиться на кончике иглы. Увы, такие были времена и обычаи! Впрочем, что далеко ходить, если буквально недавно...

– И в этом манускрипте говорилось о похожем артефакте? – прервал этот затянувшийся монолог Тавров.

– Что? А... нет, не говорилось. А вот в записках капитан-командора Дудича я встретил упоминание о слегка вогнутой прямоугольной пластине необычайно твердого серебристого металла с нанесенной на нее римской цифрой I.

– А почему вы решили, что все дело в артефактах, интересовавших Брена? – поинтересовался Тавров.

– Разумеется, я не мог уверенно утверждать, что речь идет о тех самых пластинах, – уточнил Далинский. – Тем не менее с большой долей вероятности я мог предположить, что так оно и было. Поэтому я дал Кудасову контактный телефон Бьянки Кайтелер, а затем Брену – телефоны Кайтелер и Кудасова.

– А когда Брен встретился с Кудасовым и Кайтелер?

– Вот этого я не знаю, – развел руками Далинский. – Я ведь предупредил Брена, что уверенно утверждать о родственном происхождении пластин я смогу, только увидев артефакт Брена воочию. Он согласился, но сообщил, что должен уехать в командировку недели на две-три, а когда вернется, то немедленно свяжется со мной.

– И он связался?

– Да, недели через три он снова позвонил. Сказал, что вернулся в Москву, и предложил, чтобы я приехал к нему домой, поскольку ему не хотелось бы возить с собой столь ценный предмет. Он сообщил мне адрес, код замка в подъезде, и я немедленно отправился к нему.

– И что? Пластина оказалась такой же, что была у Кудасова?

– Нет, я так ее и не увидел, – сокрушенно вздохнул Далинский. – Я звонил в дверь его квартиры довольно долго, пытался дозвониться по мобильнику, но безрезультатно. А потом я решил написать Брену записку, оперся «дипломатом» о ручку двери – и она вдруг открылась! Она была не заперта. Я сразу решил, что здесь что-то не так, и вызвал милицию. Но приехавший наряд повел себя возмутительно: они взяли понятых и всего лишь бегло осмотрели квартиру. А потом уехали. Я еще сказал им, что нельзя оставлять квартиру вот так, нараспашку. А они посоветовали обратиться к слесарю ДЭЗа. И еще сказали, что в случае, если имела место кража, заявление должен подать сам хозяин. Я вызвал слесаря, заплатил ему двести рублей, и он поменял личинку замка, чтобы можно было закрыть дверь.

– А разве дверь нельзя было просто захлопнуть? Что там за замок? – заинтересовался Тавров.

– Ручка с цилиндрическим замком, у меня дома такой же. Нажал на цилиндр – задвигается, – описал Далинский. – Но в этом замке она не срабатывала: что-то там заклинило... видимо, когда замок ломали.

– Кто ломал?

– Ну... те, кто похитил Брена, – пояснил Далинский.

– А почему вы уверены, что его похитили? – спросил Тавров.

– Ну а как же иначе?! – удивился Далинский. – Ведь он вернулся в Москву, звонил мне со своего городского телефона: у меня номер высветился на определителе. Мы договорились о встрече... и – вот! Я наводил справки в редакции журнала. Мне сказали, что утром того дня он ненадолго заезжал на работу, а потом отправился домой.

– А сколько времени прошло от его звонка до того момента, как вы оказались у двери в квартиру Брена?

– Пожалуй, около часа, – прикинул Далинский. – Я ехал на машине и нигде в пробках не застревал.

– В квартире вы не видели чего-нибудь подозрительного? Следов борьбы, например?

– Нет, ничего такого. Никакого беспорядка.

– В милицию обращались с заявлением?

– Да, но там бумагу не приняли, сказали, что не видят оснований... Как в том анекдоте: «Вот когда убьют, тогда и приходите», – грустно усмехнулся Далинский.

– Понятно, – попыток Тавров. – Мне нужно переговорить с Кудасовым и Кайтелер. Еще нужен адрес редакции, где трудился Брен. А для начала давайте-ка съездим на квартиру Брена.

* * *

Брен снимал двухкомнатную квартиру в блочной хрущевке, недалеко от станции метро «Кунцевская». Как говорится, «хоть и хрущевка, а рядом Рублевка». Результаты осмотра разочаровали Таврова. Никаких следов обыска, никакого беспорядка. Паспорта нет, денег нет, ценностей нет. Полное впечатление, что жилец всего лишь временно покинул жилище на более или менее длительный срок.

– Вы не знаете, был ли у Брена дома компьютер? – спросил Тавров у Далинского.

Тот утвердительно кивнул:

– Был ноутбук. Новый, «Асус», экран пятнадцать дюймов, широкий.

– Похоже, что он забрал его с собой, – заметил Тавров. – В квартире нигде нет.

– Наверное, унесли похитители? – предположил Далинский.

– Послушайте, Владимир Петрович, – недовольно поморщился Тавров. – Пока я не вижу никаких признаков похищения или ограбления. Понимаете? Никаких! Так что сотрудники отделения милиции были абсолютно правы, не приняв ваше заявление. Может, Виктор, в конце

концов, с женой начальника на курорт уехал! А что? Мужчина неженатый, молодой, имеет право на личную жизнь... и на личные тайны. Разве не так?

– А что же теперь делать? – растерялся Далинский.

– Я поеду в редакцию, – заявил Тавров. – Вдруг у них есть новости о Брене? А вы, Владимир Петрович, занимайтесь своими делами. Я вам позвоню, если что.

* * *

Новостей о Брене в редакции не было. Зато сам редактор оказался на месте, и Тавров не преминул атаковать его вопросами.

– Чем занимался Брен в вашем журнале?

– Наш журнал призван информировать российскую общественность о жизни Римско-католической церкви и ее организаций, – сообщил редактор. – Поскольку Брен являлся терциарием Ордена Проповедников, то он освещал на страницах нашего издания преимущественно деятельность своего Ордена. Скажите, вы уверены, что Брен действительно исчез?

– Честно говоря, я сам собирался спросить об этом вас, – признался Тавров. – Ведь вы хорошо знали Брена, не так ли?

– Да, пожалуй, – согласился редактор. – Он работал в этом издании еще до меня, а я пришел сюда шесть лет тому назад.

– Он когда-нибудь исчезал надолго, хотя бы недели на две-три?

– Нет, не помню такого, – уверенно заявил редактор. – Дня на два-три, когда все праздники официальные отмечают... Но так, чтобы на месяц – нет, исключено! Я думаю, что профессор Далинский прав и дело нечисто. И еще я думаю, что о подозрительно долгом отсутствии Брена необходимо поставить в известность приора Ордена и немецкое посольство. И я сегодня же это сделаю!

– А посольство тут при чем? – удивился Тавров.

– Как это «при чем»? – удивился, в свою очередь, редактор. – Брен имеет немецкое гражданство. Вы разве этого не знали?

Вот как! Интересно, а Далинский знал, что Брен – гражданин Германии? Если знал, то почему не сказал? И какой смысл ему скрывать факт немецкого гражданства Брена, если Тавров неминуемо выяснил бы это сам?

– Может, хотите кофе? – предложил редактор, выведя Таврова из состояния задумчивости.

– Да, не откажусь, – согласился Тавров.

Кофе Таврову не хотелось, но уходить он не собирался: нужно раскручивать редактора до конца – кто знает, сколько еще сюрпризов выявится? Редактор позвонил секретарше и попросил принести два кофе.

– Вы знаете, я почему-то думал, что Брен по национальности еврей, – признался Тавров.

– Самое интересное, что и он сам долго так думал, и в советском паспорте у него стояла национальность «еврей». А когда грянула перестройка, его отец на смертном одре признался, что весь их род – чистокровные немцы. Видимо, имелись какие-то подтверждающие документы, поскольку Брен в 1992 году репатриировался в Германию как этнический немец.

– Но почему же он вернулся обратно в Россию?

– В Германии он вступил в лоно Римско-католической церкви и стал терциарием Ордена Проповедников, – начал рассказывать редактор. – После этого Орден и направил его в Россию. Думаю, это было где-то в 1996-м или 1997 году... во всяком случае, еще до дефолта. Извините, минуточку...

Телефонный звонок прервал разговор. Редактор взял трубку и некоторое время молча слушал. Потом сказал:

– Хорошо, я немедленно подъеду. Диктуйте адрес... Да, буду примерно через тридцать-сорок минут.

Он записал пару строчек на листке бумаге и положил трубку.

– Похоже, вам пора? – спросил Тавров, вставая со стула. – Не буду вас больше задерживать, спасибо.

– Я думаю, вам лучше поехать со мной, – сказал редактор. – Дело в том, что мне позвонил некто Семенов и сообщил, что он должен на пару месяцев уехать из Москвы и если Брена наконец надумает забрать свой ноутбук, то пусть поторопится. В крайнем случае, если Брена сейчас нет в городе, Семенов отдаст ноутбук под расписку мне.

– Да, я обязательно поеду с вами! – ответил Тавров. – Может быть, в файлах ноутбука Брена мы найдем какой-то намек на загадку его исчезновения?..

* * *

Семенов жил в старом сталинском доме на улице Панфилова. Раньше там обитали прославленные сталинские полководцы, а теперь обосновались те, кто мог себе позволить жить в таком престижном месте. Впрочем, Семенов не производил впечатления человека со средствами: мужчина за сорок, с прической типа «всклокоченная плешь», одевавшийся явно на китайских барахолках. И интерьер его большой квартиры свидетельствовал отнюдь не о достаточном для данного района уровне жизни, а всего лишь об удачно произведенной приватизации родительской жилплощади.

Семенов встретил гостей с явным облегчением.

– Понимаете, мне сегодня вечером надо уезжать, а тут вдруг попался под руки ноутбук Брена, – объяснил он. – Очень хорошо, что я вас застал на месте!

И Семенов вручил Таврову ноутбук ASUSTEK.

– Вот, в целости и сохранности! – радостно объявил он. – Не обижайтесь, но будьте добры расписочку... для порядка.

– Вообще-то это я – начальник Брена, – счел необходимым вмешаться редактор и попытался завладеть ноутбуком. Но Тавров цепко держал потенциальное хранилище секретов.

– Мы хотели бы проверить содержимое компьютера, – не терпящим возражений голосом заявил Тавров и направился к большим двухстворчатым дверям в гостиную, бросив на ходу: – Вы не возражаете?

– Нет, что вы! Проходите, пожалуйста, – запоздало предложил Семенов. – Извините за беспорядок, но я готовился к отъезду...

– Ничего, мы ненадолго, – заверил его Тавров, оглядывая комнату. Судя по обилию пыли на разбросанных по полу вещах: книгах, компакт-дисках и даже лыжных ботинках, – Семенов начал готовиться к отъезду еще зимой и под этим благовидным предлогом прекратил всякие потуги на уборку.

Тавров поставил ноутбук на журнальный столик, где царапины были стыдливо замаскированы густым слоем пыли, и поднял крышку. Он нажал на кнопку включения, но ноутбук даже не сделал попытки ожить.

– Батареи сдохли, – поспешно пояснил Семенов. – Сейчас я блок питания подключу. Черт, где же он?!

Семенов куда-то исчез, через минуту появился, победно потрясая блоком питания.

– Вот он! Разрешите, я до розетки доберусь... а ну-ка... Ну вот, запустился. Черт, да у него здесь пароль!

– Вы знаете этот пароль? – поинтересовался Тавров.

– Разумеется, нет! – отозвался Семенов. – Это же ноутбук Брена. Короче, войти не получится. Прощу меня извинить, но я в диком цейтноте!

– Да что уж там, это мы злоупотребляем вашим вниманием, – кисло улыбнулся Тавров и покосился на редактора: – И что нам делать?

– Я увезу ноутбук в редакцию, а завтра утром наш системный администратор попробует войти без пароля, – предложил редактор.

Тавров недовольно поморщился.

– У вас есть другие предложения? – поинтересовался редактор.

– Ну, если завтра утром... Хорошо, я буду ждать вашего звонка! – решил Тавров и повернулся к Семенову: – Кстати, если вы вдруг понадобится... Куда именно вы едете?

– В Сочи, – ответил Семенов. – Но вы можете звонить мне на мобильный.

– И последний вопрос: почему Брен оставил ноутбук вам? Он вас хорошо знает?

– Мы вместе учились, и в школе, и в институте, – ответил Семенов. – Дружили, пока он не уехал в Германию. А когда он вернулся, дружба возобновилась... Старый друг есть старый друг, верно?

– Верно, – согласился Тавров.

Он записал номер Семенова и вместе с редактором покинул квартиру. Тот отправился в редакцию, а Тавров решил дозвониться другим фигурантам в этом странном деле.

* * *

Кудасов ответил почти сразу же.

– Слушаю вас, – раздался из трубки глухой недовольный голос.

– Добрый день! Господин Владислав Кудасов?

– Ну, предположим... А вы кто такой? – довольно невежливо отозвался уфолог.

– Моя фамилия Тавров, я частный детектив, расследую исчезновение Виктора Брена. Вам что-нибудь говорит это имя?

– Ничего, – моментально ответил Кудасов.

– А фамилия Далинский вам известна?

– Ну... предположим.

– Извините, но вы не могли бы выразиться яснее: «да» или «нет»? – надавил Тавров.

– Да, известна, – раздраженно ответил Кудасов. – Далинский консультировал меня... по ряду вопросов.

– Далинский дал ваши координаты Брену. Разве Брен с вами не связывался?

– Ну... что-то припоминаю... Далинский говорил о человеке, которому он дал мой номер телефона, но мне никто не звонил.

– А Далинский сказал, по какому вопросу хотел к вам обратиться Брен?

Кудасов помолчал секунд пятнадцать, потом сухо ответил:

– Я не помню. Почему я это должен помнить? Ведь он со мной так и не связался. Надеюсь, это все? Мне действительно некогда!

– Да, у меня все. Благодарю за сотрудничество! – съязвил Тавров и принялся названивать Бьянке Кайтелер.

До Кайтелер он дозвонился только к вечеру. Кайтелер оказалась обладательницей весьма приятного юного голоса, но проскальзывавшие в этом голосе отдельные нотки и интонации заставили Таврова как-то внутренне подобраться: это не грубиян Кудасов, эта умеет мягко стелить каменные перины.

– Да, Далинский мне что-то говорил... Как вы сказали? Э-э... Брен, да? Напомните, пожалуйста, по какому вопросу он хотел со мной связаться?

Таврову это не понравилось. Еще с тех времен, когда он был простым оперуполномоченным в районном отделении милиции, он привык к тому, что вопросы задает он сам, а не ему. «Вот хитрая девка! Решила выяснить, что мне известно».

– Я знаю только то, что Далинский дал Брену ваши координаты.

– Смею вас заверить, господин частный детектив, что никакие незнакомые люди в последний год ко мне не обращались, – насмешливо сообщила Кайтелер. – Если этот человек исчез, мне очень жаль. Но я ничем не могу вам помочь.

– Спасибо, извините за беспокойство, – буркнул Тавров и дал отбой. Мрачный грубиян и наглая девчонка – еще та компания! Ничего не знают, да и знать не хотят! Впрочем, он ожидал подобного результата. В наше время люди, просто выйдя средь бела дня в булочную за буханкой «Украинского» хлеба, иногда исчезают с таинственностью, достойной самого Бормана или Усамы бен Ладена.

Тавров сварил кофе, плеснул немного коньяка и залпом выпил. Он чувствовал, как внутри его словно сжимается пружина: это было предчувствие событий, не суливших ему ничего хорошего. Он привык доверять подобным предостерегающим ощущениям – научился за тридцать пять лет службы в сыске.

Тавров плеснул в чашку еще немного коньяка и залпом выпил, сам себе удивляясь: уж не перенервничал ли он? Но ведь пока не случилось ничего особенного.

Он вдруг заметил странную вещь: он выпил уже граммов сто, а бутылка по-прежнему залита под самое горлышко. Что за бред?!

Пить Таврову больше не хотелось, но он снова налил порцию, проглотил и, морщась, покосился на бутылку. Так и есть! Янтарная жидкость осталась на прежнем уровне. И Таврову это очень не понравилось, потому что он знал только одну убедительную причину странного фокуса с бутылкой. А об этой причине ему даже думать не хотелось!

Глава 2

Тавров проснулся около десяти часов утра. Состояние немолодого – увы! – организма убедительно свидетельствовало о том, что он накануне бессовестно «злоупотребил». Однако полная бутылка ехидно опровергала данную в ощущениях реальность. Тавров убрал емкость в сервант и отправился завтракать.

Едва вытерев руки о кухонное полотенце, Тавров позвонил в редакцию. Трубку взял сам редактор.

– Здравствуйте, это Тавров. Ну, что там? Вы посмотрели файлы Бренда?

– Да. Наш сисадмин сумел преодолеть защиту, но... там ничего нет.

– Как нет?!

– Давайте он сам все расскажет, – торопливо предложил редактор.

– Алло, вы слушаете? – раздался в трубке чей-то хриплый голос. – Короче, на винчестере в шестьдесят гиг два логических диска. Один, ясен пень, системный, но там только система и программы... никаких текстов. А второй диск отформатирован.

– Как отформатирован? – растерянно переспросил Тавров.

– Ну, как... молча! Нет там ничего, поскольку при форматировании все содержимое диска безвозвратно утрачивается. А на системном диске текстов нет, только стандартный набор картинок для обоев. Теперь понятно?

– Да, – обескураженно отозвался Тавров. – Спасибо.

– Не за что. Что-нибудь еще?

– Да нет... спасибо и на этом, – не сумел сдержать вздох разочарования Тавров и положил трубку. Некоторое время он сидел в кресле, погружившись в размышления, потом взял мобильник, полез в записную книжку, нашел нужную страницу и набрал номер.

– Да, слушаю вас, – ответил ему голос Семенова.

– Это Тавров, я накануне приезжал к вам за ноутбуком.

– Да-да, я помню, – торопливо отозвался Семенов. – Только говорите побыстрее, а то я тут на станции, за пивом вышел, скоро отправление...

– Мы проверили ноутбук, и оказалось, что логический диск с данными отформатирован.

– Как отформатирован?! – изумился Семенов.

– Как... Полностью! – не смог сдержать ехидства Тавров.

– Брен не мог его отформатировать! – категорически заявил Семенов. – Дело в том, что он при мне закончил работу с какими-то документами, отправил почту, потом вышел из Виндозы, выключил компьютер и тут же отдал его мне. Понимаете? Он не мог отформатировать винчестер, у него просто не было на это времени!

– А может так быть, что на втором логическом диске, где хранились данные, к этому времени уже ничего не было?

– Я же говорю, что Брен при мне заканчивал работу с документами! Я видел своими глазами, что на втором логическом диске было очень много папок. Не знаю, сколько в них файлов, но папок было несколько десятков! Не могли же они так просто исчезнуть на выключенном компьютере?!

– Не могли, – согласился Тавров. – Но – исчезли.

– Ну, не знаю, – вздохнул Семенов. – Извините, но у меня поезд отходит. Будьте здоровы!

– И вам не хворать, – проворчал Тавров.

Сам собой жесткий диск на выключенном компьютере отформатироваться не может – это понимал даже непродвинутый юзер Тавров. Значит, кто-то врет: либо Семенов, либо редактор. Либо вмешались некие потусторонние силы... Тут Тавров вспомнил неиссякаемую бутылку

коньяка, и холодок пробежал по позвонкам, словно по ступенькам. Нет, об этом лучше не думать! Надо просто отказаться от этого дела – решительно и бесповоротно.

Тавров взял телефон и набрал номер Далинского.

– Владимир Петрович! Это Тавров. Нам надо встретиться. Приезжайте часа через два ко мне в офис. Возражений нет? Ну и отлично.

Тавров побрился, выпил еще чашку кофе и поехал в офис.

Далинский появился точно в назначенное время.

– Что нового, Валерий Иванович? – сразу же спросил он, едва усевшись в кресло напротив Таврова.

– Дело вот в чем, Владимир Петрович, – твердым голосом начал Тавров. – Если я берусь за дело, то всегда довожу его до конца. Но я немедленно прекращаю расследование, если прихожу к выводу, что клиент использует меня втемную и пытается мной манипулировать... скажем, пускает за мной чистильщиков.

– Простите... кого? – недоуменно спросил Далинский.

– Объясняю: бывают случаи, когда клиент нанимает частного детектива для того, чтобы тот выявил неспрятанные концы преступления. И затем «зачищает» эти самые концы, чтобы за них не могло ухватиться следствие. Так вот, я полагаю, что в данном случае именно так и есть. Факты: вы назвали имена Кайтелер и Кудасова, которые должны были одними из последних встречаться с Бреном. Они дружно заявили, что никогда не видели Брена и никогда о нем не слышали. А ведь, по вашим словам, Брен активно искал встречи с ними и имел достаточно времени, чтобы связаться с этими людьми. Почему вы сами им не позвонили и не спросили о Брене? Логично предположить, что вы с моей помощью просто хотели проверить, будут ли они молчать. Далее: диск ноутбука, на котором Брен держал свой архив, вдруг оказывается отформатированным, причем факты говорят о том, что это сделал не Брен. И это после того, как ноутбук побывал в моих руках! Еще пара таких случаев – и я в глазах следствия превращусь в вашего соучастника и буду вынужден молчать, как это делают Кайтелер и Кудасов. Я уже не говорю о том, что вашей профессорской пенсии явно не хватит для оплаты дорогостоящих услуг детективного агентства. Значит, платит кто-то другой. Такое бывает – заказчик действует через посредника, чтобы не привлекать внимания к своей персоне, но в таком случае посредник не скрывает своей деятельности. Почему же скрываете вы? По-моему, всего этого достаточно, чтобы расторгнуть наш договор. Расходы мои незначительны, и я не требую, чтобы вы мне их возместили. Я выразился ясно?

– Нет, вы не можете так поступить! – взволнованно воскликнул Далинский. – Вы все не так поняли! Я могу объяснить и...

– Не утруждайте себя, Владимир Петрович! – решительно прервал его Тавров. – Вам придется обратиться к другому детективу, менее щепетильному. А наше сотрудничество закончено.

Далинский поджал губы, затем решительно поднялся.

– Вы глубоко заблуждаетесь насчет меня, Валерий Иванович, – расстроенно проговорил он. – И в самом ближайшем времени я предоставлю вам доказательства ваших заблуждений. А пока я откланяюсь!

– Прощайте, – отрывисто бросил Тавров, уткнувшись в монитор.

Далинский ушел, а Тавров для успокоения нервов занялся раскладыванием пасьянса. Впрочем, ему удалось посвятить этому занятию не более десяти минут. Раздался звонок, Катя подняла трубку и сообщила Таврову:

– Валерий Иванович, звонит Ленора Павловна! Говорит, по очень срочному делу.

– У нее не бывает несрочных дел, – проворчал Тавров и со вздохом взял трубку. В ухо его ворвался голос Леноры:

– Валера! Ну что же такое?! Почему ты в офисе?! Сейчас уже должен приехать курьер, а тебя нет дома!

– Какой курьер? – растерялся Тавров.

– Господи! Ну, я же тебе говорила! Ведь я должна купить от нас двоих подарок Фросе на юбилей. Или ты забыл?

– Почему забыл? Помню.

– Я сегодня утром заказала подарок! Его должны привезти во второй половине дня к тебе на квартиру.

– А почему ко мне? – изумился Тавров. – Разве не проще к тебе?

– Валера! Какой же ты непонятливый! Я же говорила, что сейчас у меня нет денег и за подарок заплатишь ты, а я потом верну тебе свою часть... Мы же договаривались! Так вот, ты отдашь деньги курьеру.

– Да, я понял, – наконец сообразил Тавров. – А сколько надо отдать?

– Двенадцать тысяч.

Тавров на мгновение потерял дар речи, а вновь обретя его, осторожно осведомился:

– Надеюсь, не долларов и не евро?

– Нет, монгольских тугриков! – съязвила Ленора. – Естественно, рублей, это обычный магазин. Так что немедленно езжай домой! Слышишь?

– Да, конечно, – со вздохом пообещал Тавров. – Но мне еще нужно заехать в банк и снять деньги со счета. У меня нет такой суммы наличными.

– Валера, тебе давно следует завести кредитку! Придется мне и этим заняться.

– Да-да, Ленора, – заторопился Тавров. – Только не сейчас, хорошо? Ну, так я поехал?

– Да, разумеется! Подожди, запиши номер заказа: 2154. Записал? И поторопись, пожалуйста.

Уже входя в метро, Тавров вспомнил, что так и не спросил Ленору: что за подарок она заказала? Но перезванивать не стал: лишняя трата времени. Да и связь в метро плохая.

В банке Тавров проторчал изрядно. Примчался домой, и тут позвонил курьер и сказал, что заказ он доставит к шести часам. Тавров глянул на часы: три. И куда он так спешил, как ненормальный?!

Тавров решил пообедать, раз уж так сошлось. Только он сел за стол, как запиликал телефон. Тавров с досадой крикнул, схватил трубку.

– Курьер звонил и сказал, что доставит заказ только к шести часам! – выпалил он в трубку. В ответ донесся голос Далинского:

– Валерий Иванович, это Далинский. У меня к вам просьба: не могли бы вы сегодня подъехать в ресторан на Сретенку, часам к семи вечера? Я познакомлю вас с настоящим заказчиком.

Тавров хотел было отказаться, но Далинский очень настаивал, да Таврову и самому в глубине души хотелось взглянуть на человека, которому так срочно понадобилось разыскать ничем не примечательного клерикального журналиста. Все-таки в этом деле была какая-то загадка... Поэтому он сказал:

– Хорошо. Но у меня есть еще дела, я не знаю точно, когда освобожусь.

– Как освободитесь, так и подъезжайте! – обрадовался Далинский. – Ресторан работает до часу ночи, будет заказан отдельный кабинет. «Трактир на Сретенке», возле Последнего переулка. Это переулок так называется – «Последний».

– Я хорошо знаю этот район, – ответил Тавров. – До встречи.

– До встречи, Валерий Иванович! И спасибо, что согласились!

Тавров задумался: почему так вцепился в него таинственный заказчик? Мало ли в Москве детективов? Еще одна загадка!

* * *

Заказ доставили в начале седьмого. Курьер и водитель, обливаясь потом, втащили в квартиру огромную и очень тяжелую картонную коробку. Курьер получил деньги, выдал необходимые документы и ушел. Тавров взглянул на накладную, в графу «Наименование товара», и не поверил своим глазам. В графе четко было написано: «Светильник садовый декоративный». Тавров схватил трубку и набрал номер Леноры.

– Тут привезли заказ... Нет ли ошибки? Зачем Ефросинье декоративный садовый светильник, да еще такой неподъемный?!

– Ой, это такая прелесть! Ты распакуй и посмотри, Валера! Это просто чудо! А что тяжелый... так кто его в саду таскать будет? Он на одном месте должен стоять.

– Но у Ефросиньи в саду уже есть светильники, – напомнил Тавров. Но для Леноры это был не довод.

– Еще один не помешает! – беспечно отозвалась она.

Ну что тут возразишь?

* * *

До ресторана Тавров добрался часам к девяти вечера. Ресторан располагался в подвале одного из старых домов, еще пока сохранившихся в этом районе старой Москвы. Метрдотель проводил Таврова в отдельный кабинет, где Далинский в компании коротко стриженного мужчины лет семидесяти смотрел по телевизору канал «Евроныус». Далинский представил своего компаньона:

– Позвольте представить вам господина фра Арнольдо. Он представляет в России генеральный капитул Ордена Проповедников, более известный как Орден доминиканцев. Именно фра Арнольдо и попросил меня нанять детектива для поисков Брена, поскольку Брен является терциарием Ордена. Фра Арнольдо готов ответить на ваши вопросы. Он не говорит по-русски, поэтому я буду переводить. Но прежде всего я просил бы вас сделать заказ. Ведь вы, надо полагать, не ужинали?

– Спасибо, мне только кофе.

Далинский вызвал официанта и заказал для Таврова двойной эспresso. Когда официант ушел, Тавров задал первый вопрос:

– Почему вы не ищете Брена через немецкое посольство? Ведь он гражданин Германии, не так ли?

– Дело в том, что примерно за месяц до исчезновения Брена пропал приехавший в Россию по делам Ордена терциарий Вальтер Шрайбер. Шрайбер, ученый-историк, профессор Мюнхенского университета, прибыл к нам для работы с российскими архивами. Представители посольства сразу же обратились к российским властям, но на сегодняшний день до сих пор не обнаружено никаких следов Шрайбера. Более того, в настоящее время поиски Шрайбера российские власти прекратили. Именно поэтому, когда исчезновение Брена стало фактом, капитул Ордена счел необходимым обратиться к частному детективу. Естественно, российскому гражданину гораздо проще это сделать, не привлекая лишнего внимания. Поэтому я и обратился к господину Далинскому как к человеку, знавшему и Брена, и Шрайбера, попросив его выполнить роль посредника, – дословно передал Далинский ответ фра Арнольдо.

– Брен и Шрайбер были знакомы? – спросил Тавров.

– Да, Брен должен был помочь Шрайберу в поисках, которыми тот занимался.

– И что это за поиски?

Фра Арнольдо немного помедлил с ответом.

– Единственное, что могу вам сказать: речь шла о поисках определенной информации, весьма важной для Ордена.

– Вы понимаете, что я спрашиваю не из праздного любопытства? – раздраженно осведомился Тавров. – Мне нужно выяснить круг общения Шрайбера и Брена.

– Я понимаю, однако это не моя личная тайна. Уверяю вас, что мы приложим все усилия, чтобы помочь вам установить круг общения Брена.

– А Шрайбера я тоже должен искать? – решил уточнить Тавров.

– Да, это было бы очень хорошо. Если хотите, с вами будет заключен отдельный договор на поиски Шрайбера.

– Речь не об этом. Я должен знать, с кем, кроме Брена, мог контактировать Шрайбер в России, – пояснил Тавров.

Фра Арнольдо развел руками:

– Мы это тоже хотели бы знать.

Официант принес очередную порцию кофе. Дождавшись, пока он уйдет, Тавров задал следующий вопрос:

– Почему вы мне сразу не сообщили об исчезновении Шрайбера и о том, что он был связан с Бреном?

Фра Арнольдо ответил не сразу. Он устало потер веки подушечками пальцев и наконец проговорил (Далинский перевел):

– Мы опасались, что этим сразу свяжется вместе исчезновение Брена и Шрайбера, а это может не соответствовать действительности. А вот если бы вы сами вышли на Шрайбера, то получилось бы вернее. Кроме того, власти России официально уже прекратили поиски Шрайбера.

– И чем они это мотивировали?

– Послу сообщили, что Шрайбер покинул Россию. Во всяком случае, кто-то по его документам месяц тому назад вылетел из Москвы во Франкфурт-на-Майне. Это все, что нам известно.

Тут настала очередь Таврова задуматься. Он подумал с минуту и высказал предположение:

– Если кто-то по документам Шрайбера вылетел из Москвы примерно в то же время, когда исчез Брен, то нельзя исключить, что это был сам Брен. Не так ли?

– Такая вероятность существует, – согласился фра Арнольдо. – Но для этого у Брена должны были иметься очень серьезные основания, о которых я даже не могу догадываться.

– Миссия Шрайбера была каким-либо образом связана с артефактом, фотографию которого Брен показывал Далинскому?

Фра Арнольдо помолчал, поджав губы. Наконец он нехотя произнес несколько слов.

– Была. Но не исключительно с этим артефактом, – перевел Далинский. Фра Арнольдо явно боялся сказать лишнее и тщательно выбирал выражения.

Тавров ждал продолжения.

– Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли: это не связано с каким-либо криминалом или сокрытием следов преступления. Речь идет о внутренних секретах Ордена – и не более того. Но и не менее! Артефакт Брена представлял определенный интерес для Ордена, и Брен собирался передать его Ордену, но... мы так и не получили артефакт в связи с исчезновением Брена. А Шрайбер занимался поисками подобных артефактов как профессиональный археолог. Но никакие раскопки на территории России он не проводил, поскольку не располагал разрешением на подобные работы. Речь шла всего лишь о сборе информации, работе с архивами и частными коллекционерами.

– Что вы думаете о редакторе издания, где работал Брен? Он получил ноутбук Брена, после чего вдруг оказалось, что уничтожен весь содержавшийся в нем архив Брена. Мне это

кажется весьма странным, если не сказать большего, – поделился своими подозрениями Тавров.

Фра Арнольдо покачал головой:

– Этот человек заслуживает безусловного доверия. Как мне объяснили специалисты, в ноутбуке Брена стояла специальная программа, которая при попытке взлома пароля уничтожает содержимое диска вместе с архивом. Так что здесь мы имеем дело с печальной случайностью: никто не знал, что Брен установил такую программу на свой ноутбук.

– Ну что же, вопросов у меня больше нет, – подытожил Тавров. – Поскольку вы проявили искреннюю заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве и прояснили многие вызывавшие подозрения моменты, то я согласен продолжить расследование. Для этого мне понадобятся фотографии Шрайбера и Брена, их биографические данные, сведения о круге их знакомств и интересов.

– Фра Арнольдо обеспечит вас необходимой информацией в ближайшее время, – заверил Далинский. – Что-нибудь еще, Валерий Иванович?

– Пока достаточно. А там будет видно... Позвольте откланяться! – засобирався Тавров. Доминиканец взглянул на Таврова и что-то сказал Далинскому.

– Фра Арнольдо спрашивает: что вы собираетесь предпринять в ближайшее время?

– Искать Брена и Шрайбера. Ведь именно для этого он меня нанял? – усмехнулся Тавров. – Ну а как именно я буду это делать – секрет. Ведь не только Орден доминиканцев имеет право на тайны, не правда ли?

* * *

Часто говоря, у Таврова не было никакого плана. Проснувшись на следующее утро, он долго размышлял: в каком направлении действовать в первую очередь? С направлениями было негусто. За завтраком Тавров набросал на листке бумаги схему с именами. В одну строчку поместились: фра Альберто, Брен, Шрайбер, Далинский, редактор Зборовский. В другую: Кайтелер, Кудасов, Семенов.

Н-да, не густо! Пока нет фотографий Брена и Шрайбера, разговаривать с Кайтелер и Кудасовым бессмысленно. Пожалуй, надо выяснить через друзей в МВД, что за странная история там приключилась с отлетом Шрайбера из Москвы. Далее: заняться клерикальной компанией фра Альберто, Зборовского и примкнувшего к ним Далинского. Так, а что делать с другом детства Брена – Семеновым? Он должен многое знать о семье Брена и о его старых приятелях. Но придется подождать, пока он вернется из Сочи. Учитывая то, что Шрайбер и Брен пропали неожиданно для окружающих... уж не случится ли так, что и Семенов продолжит этот ряд исчезновений? А почему бы ему самому не слетать в Сочи за счет фра Арнольдо? И денек-другой у моря провести не мешает.

Тавров позвонил полковнику Павлову и условился с ним о совместном обеде, затем связался с журналистом Шоном Кэсседи и договорился поужинать вдвоем. После чего сыщик отправился в парикмахерскую.

Павлов всегда обедал в небольшом ресторанчике недалеко от Тверской. Хозяин заведения был давним знакомым Павлова. Он отсидел три года за убийство, которого вовсе не совершал. Отсидел бы и еще семь лет, но Павлов нашел настоящего преступника и добился освобождения невинно осужденного, за что хозяин был ему вечно благодарен. Павлов мучился приступами гастрита и получал в ресторане персонально для него приготовленный диетический обед по цене стандартного бизнес-ланча: это была единственная благодарность, которую он позволил себе принять от владельца заведения.

– Цветете и пахнете, Валерий Иванович! – подмигнул Павлов Таврову, уловив запах его парфюма. – Что закажете?

– Да то же, что и ты, Вадик! Пора уж привыкать к нормальной еде.

Павлов сделал заказ для Таврова и спросил:

– Что вас привело ко мне, Валерий Иванович? Ведь не стремление же к вкусной и здоровой пище?

– Да пустяки, Вадик! Просто есть два германских гражданина, бесследно исчезнувших на просторах нашей Родины. Хотелось бы узнать о них кое-что.

– Один из них случайно не по фамилии Шрайбер? – нахмурился Павлов.

– Ага, похоже, что ты в курсе! – обрадовался Тавров. – Если, конечно, не обрел в последнее время дар ясновидения.

– А второй кто? – угрюмо поинтересовался Павлов.

– Давай-ка ты мне расскажешь, что знаешь о Шрайбере, а потом я и о втором сообщу, – предложил Тавров.

Официант принес куриный суп с гренками, и Тавров с аппетитом приступил к трапезе.

– Да что я знаю... – проворчал Павлов. – Вставили нам за этого Шрайбера по первое число, посольство такой шум подняло! Ну а потом мы выяснили, что Шрайбер уже улетел в Германию.

– Шрайбер или некто, воспользовавшийся его документами?

– От нас требовались факты, мы их и предоставили послу, – отрезал Павлов. – Пусть теперь его в Германии ищут.

– Вадик, можешь все это в письменном виде изложить плюс – дать фотографию Шрайбера?

– Отчет, который мы отправили в посольство, вас устроит? Как хотите: и на русском, и на немецком. И фотографии, которые нам из посольства переслали.

– Вот спасибо, Вадик! – обрадовался Тавров. – Заранее благодарен.

– Благодарность за такой пустяк – слишком много, – пошутил Павлов. – А вот информация о втором немце – это в самый раз. Кто он? Когда исчез?

– Зовут Виктор Брен, бывший гражданин России, журналист, работал в московской редакции католического журнала «К городу и миру», терциарий Ордена Проповедников. Пропал примерно месяц тому назад. Знавшие его люди вдруг спохватились и принялись его разыскивать. Очень интересно, что Шрайбер тоже являлся терциарием того же Ордена, был знаком с Бреном и неоднократно встречался с ним в Москве.

– Хм... да вы и так все знаете о Брене, – отметил Павлов. – Что же вам еще нужно?

– Не все, Вадик, не все, – вздохнул Тавров. – Поэтому мне нужно все, что вы сможете о нем нарыть. Сделаешь?

– Ох, когда ж я вам отказывал, Валерий Иванович? – развел руками Павлов. – Хотя опасное это дело – помогать в ваших делах... Помните, как нас Салуков чуть не взорвал? А я, кстати, тогда выговор получил за то, что в гэбэшные дела влез!

– Ну, я-то как мог предположить, что Салуков умудрился перейти дорогу наркомафии, госбезопасности и Министерству обороны одновременно? – возразил Тавров.

– Ладно, дело прошлое, – махнул рукой Павлов. – Вон, второе несут. Ну и курочка тут у них, скажу вам! Во рту тает!

* * *

Ужин у Таврова получился уже не таким диетическим, как обед. Шон Кэсседи был классическим ирландцем, то есть человеком абсолютно чуждым диете и трезвости. Так что вечер с самого начала обещал быть весьма насыщенным.

Местом встречи Шон назначил ресторан «Жар-птица» на 2-й Брестской.

– С каких это пор ты полюбил русскую кухню? – поинтересовался Тавров.

– Я больше полюбил русскую выпивку, – признался Шон. – Здешние «хреновач» и «кед-
рач» – это нечто!

Мужчины сделали заказ и перешли к делам.

– Я недавно познакомился с представителем генерального капитула Ордена Проповед-
ников, фра Арнольдо, – начал Тавров. – Хотелось бы узнать о нем поподробнее.

– Что это за овощ и с чем его едят? – захохотал Шон. – Так ведь говорят русские в таких
случаях?

– Фрукт, – поправил Тавров. – Что за фрукт! А овощами станем мы, если переусердствуем
с «хреновачом» и с «кедрачом», – предупредил Тавров.

– Вы из своих прошлых приключений с Книгой Агриппы помните историю с ересью
альбигойцев, не так ли? – спросил Шон.

– Да, катары... и все такое прочее.

– Для борьбы с альбигойской ересью некий Доминик Гусман в 1214 году в Тулузе создал
Орден Проповедников, вошедший в историю под названием «Орден доминиканцев» – по
имени основателя. Орден поставлял инквизиторов папе римскому, имел собственные учебные
заведения. У доминиканцев еще существует Второй орден созерцательной жизни, состоящий
из женщин, а также Третий орден, в который входят как сестры, живущие монастырскими
общинами, так и присоединившиеся к ордену миряне, называемые терциариями.

– Терциарии... да, знаю, – кивнул Тавров.

– Теперь о том, о чем вы не знаете и о чем вообще мало кто знает, – серьезно сообщил
Шон. – Дело в том, что в недрах Ордена доминиканцев существует некая внутренняя орга-
низация, о которой никому ничего не известно. О ней практически ничего не известно даже
внутри Ордена. Члены Ордена в курсе, что такая организация есть, а за пределами Ордена
не знают и этого. Называют эту организацию (а точнее, особый круг посвященных) – «Дело
божье», то есть на латыни – «Opus Dei».

– Я что-то слышал об этом! – оживился Тавров. – Ну да, конечно! Когда мы искали ту
проклятую книгу...

– Вот так всегда! – констатировал Шон. – Стоит упомянуть «Опус Деи», и все тут же
вспоминают организацию, которую создал испанский священник Балагер. Но это – совсем дру-
гое дело. Я имею в виду круг избранных доминиканцев, своего рода «Орден внутри Ордена».

– И чем же занимаются эти избранные?

– Об этом ведают только они сами и, возможно, еще римский понтифик. Остальные знают
об их существовании – и не более того. Каждый монах-доминиканец и терциарий обязан ока-
зывать им всяческое содействие, что бы они ни делали и чего бы ни попросили! Ибо все, что
они делают, – *Ad Maiorem Dei Gloriam*: к вящей Славе Господней!

– Как же они могут помочь избранным, эти простые доминиканцы, если ничего о них не
знают? – усомнился Тавров.

– Ну, допустим, к настоятелю монастыря или занимающему видное положение в мире
терциарию генерал Ордена посылает письмо с просьбой помочь братьям-проповедникам в
путешествии по святым местам. В списке братьев, по традиции Ордена, после имени монаха
стоят латинские буквы О.Р. – сокращение от *ordo praedicatorum*, Орден Проповедников. А вот
после имен посвященных стоят буквы О.Д. В рукописном тексте такая разница даже незаметна
для постороннего взгляда: ну, хвостик у буквы чуть длиннее, и все! Но настоятель-то знает, что
всех О.Р., как и написано в письме, следует всего лишь приютить, накормить и снабдить сред-
ствами для дальнейшего путешествия по указанному в письме маршруту. А вот что касается
отметки О.Д., то тут совсем другое дело: он должен выполнить любую просьбу такого монаха,
словно это приказ генерала Ордена или даже самого папы римского!

– То есть вы полагаете, что фра Арнольдо – из этих самых О.Д.?

– Почему предполагаю? – обиделся Шон. – Судя по вашему описанию, этот человек и есть один из «избранных», ближайший помощник генерала Ордена, фра Арнольдо, в миру – синьор Адриано Палетти. В католических кругах, близких к Ордену, даже ходит шутка, что фра Арнольдо гораздо ближе к ангелам, чем любой другой монах, потому что большую часть своей жизни он провел в небесах, летая с континента на континент по тайным делам Ордена.

– А терциарии Вальтер Шрайбер и Виктор Брен не упоминались в связи с деятельностью фры Арнольдо?

– Погодите, – задумался Шон. – Виктор Брен работает в Москве и освещает вопросы, связанные с деятельностью доминиканцев в России... что-то вроде неофициального пресс-секретаря. Речь идет о нем?

– Да, именно о нем. А Шрайбер?

– Шрайбер, Вальтер Шрайбер... Ах да! Это тот самый чокнутый историк! – рассмеялся Шон.

– Почему чокнутый? – удивился Тавров.

– А я разговаривал с ним пару раз. Так он высказал глубокую убежденность, что летающие тарелки – проявление активной демонической деятельности. Ну и так далее.

– А подробнее?

– Не могу подробнее, – признался Шон. – Он так накушался, что еле языком ворочал, к тому же все время сбивался на немецкий, да еще и с австрийским акцентом! А наутро он протрезвел и уже не помнил своих слов. Во всяком случае, так он сказал.

– Какое место он занимал в Ордене?

– Скорее всего, Шрайбер просто выполнял исследования, финансируемые Орденем. Он не производил впечатления человека, искренне верящего в проповедуемые Орденем ценности. Точнее, он даже не считал нужным производить такое впечатление. Видимо, его ценили как специалиста в той области, что представляла интерес для фры Арнольдо и его компании.

– А Брен?

– Вот здесь трудно сказать что-либо определенное, – задумался Шон. – Первоначальное впечатление: старательный терциарий, добросовестный клерикальный журналист. Я читал его статьи: производит впечатление доброго католика, причем в хорошем смысле этого слова – не карьерист, рассчитывающий сделать имя на пропаганде «популярного католицизма», а искренне верящий в определенные идеи, я бы даже сказал, в определенную миссию. Но это в основном мое личное впечатление.

– Это тоже важно, – заметил Тавров. – Пока что мне никто не высказал своего личного впечатления о Брене.

– Я его видел всего несколько раз, так что могу в чем-то и заблуждаться, – предупредил Шон. – Я писал статью о доминиканцах в России и беседовал на эту тему с Бреном. Из этого разговора в основном и сложилось мое мнение о нем. В остальном: образован, хорошо владеет вопросами истории религии, обаятелен, приятный собеседник.

– С такими качествами только в разведке работать или вором на доверии, – проворчал Тавров.

– Не унывайте. Лучше выпьем за то, чтобы нас как можно реже посещали мрачные мысли и пессимизм, – предложил Шон.

* * *

Едва Тавров вышел из ресторана, как ожил его мобильник. Это был Далинский.

– Как дела, Валерий Иванович?

– Помаленьку.

– А вы где сейчас?

– Возле Белорусского.

– О! А я по Ленинградскому проспекту еду! Давайте я вас подберу и до дома довезу.

Искушение было слишком сильным, и Тавров согласился. Он вышел на Тверскую, а минут через десять уже сел в машину Далинского. Впрочем, счастье было недолгим: не успели они доехать до Маяковской, как Далинский остановил автомобиль.

– Опять начинается! – с досадой воскликнул он, открывая дверцу.

– Что случилось? – озабоченно поинтересовался Тавров.

– Похоже, игольчатый клапан, – отозвался Далинский, вылезая из машины. – Сейчас посмотрю.

Он открыл капот и погрузился в изучение внутренностей детища советского автопрома. Тавров попытался устроиться поудобнее на сиденье. Вытянуть ноги не удавалось, и Тавров заерзал, пытаясь найти удобное положение для затекших конечностей. Он случайно задел крышку «бардачка», та внезапно откинулась, бесстыдно открывая содержимое. Тавров хотел захлопнуть крышку и вдруг увидел нечто, что не могло оставить его равнодушным. Он увидел свою визитку, приколотую степлером к свернутой в трубку бумаге. Искушение было слишком сильным. Тавров развернул бумажную трубку: это оказался лист бумаги из факса. В глаза бросилась слегка размазанная фотография, и Тавров не сразу понял, что на снимке изображен он сам. И только после этого его глаза лихорадочно забегали по тексту факса.

«Тавров, Валерий Иванович, полковник милиции в отставке...» Далее шло анкетное изложение его биографии, а в последнем абзаце пересказывалось нечто, что не могло быть указано ни в одной официальной анкете: «Близкий друг ясновидящей и Хранителя Ордена Антонитов Ефросиньи Пустовойтовой и Наблюдателя Ордена Антонитов отца Иоанна (Белисенова). Проходил как свидетель в деле об убийстве викария ордена «Опус Деи» отца Игнатия (Вадима Гольдштейна). Причастен к исчезновению Книги Агриппы и Кольца Соломона».

Тавров краем глаза уловил движение Далинского, закрывавшего капот, и успел сунуть листок обратно в «бардачок». Перед этим он запомнил дату и время получения факса: 6 часов 33 минуты того дня, когда Далинский явился ему в офис подписывать договор о поисках Брена. Ого!

– Валерий Иванович, мне очень неудобно, но вам придется дальше добираться самостоятельно, – огорченно сообщил Далинский. – Не могу понять, что случилось с моей старушкой, придется временно оставить ее здесь.

– Ну что вы, нет проблем! – улыбнулся Тавров и заспешил к входу в метро. Улыбка словно приклеилась к щекам, лишь одна мысль сверлила сознание: «Ах ты, сукин сын! Так ты не случайно ко мне пришел! За одну ночь успел справки обо мне навести! Н-ну, господин источниковед, вы у меня со своим ффра Арнольдо дождетесь! И все, кто за вами стоит, тоже не обрадуются!»

Глава 3

Прилетев в Сочи, Тавров прямо из аэропорта позвонил Семенову и предложил встретиться. Тот иронически отозвался:

– Нет проблем. Прилетайте в Сочи, и поговорим.

– Я уже прилетел, – невозмутимо сообщил Тавров, наслаждаясь минутным замешательством Семенова. Тот помолчал, затем спохватился и ответил:

– Ну... раз так, то подъезжайте ко мне в гостиницу. Я живу в частной гостинице «Крутая горка», на Медовой улице. Если ехать из центра Адлера, то это по правую сторону... выйти надо у санатория «Знание». Давайте встретимся вечером, часов в семь. Будет шашлык. Вас это устраивает?

– Вполне! – согласился Тавров.

Итак, о встрече он договорился, теперь надо устроиться в гостинице. Из багажа у Таврова была только спортивная сумка, поэтому он спокойно прошествовал мимо толпы ожидавших своих чемоданов пассажиров и направился к стоянке автобуса.

Несомненный плюс Адлера для приезжих: город начинается прямо от аэропорта, и в этом же состоит столь же несомненный минус для отдыхающих, опрометчиво расположившихся на недостаточном удалении от взлетной полосы.

Тавров планировал улететь в Москву завтра днем. Дорога его чрезвычайно утомляла, неплохо бы выспаться ночью, потому Тавров предпочел проехать подальше от аэропорта. Как оказалось, и санаторий «Знание» находился на противоположном от аэропорта конце города.

Тавров с аппетитом пообедал в ресторане и снял одноместный номер на сутки в гостинице «Фрегат». Сходил на пляж, искупался, прогулялся по курортному городку. Вернувшись в номер и приняв душ, Тавров посмотрел на часы. Около шести. Пора идти на встречу с Семеновым.

Семенов встретил его на автобусной остановке. Гостиница «Крутая горка» оказалась четырехэтажной виллой, расположенной на склоне горы, метрах в ста от дороги. В уютном зеленом дворике под широкими листьями пальмы имелся крохотный бассейн с рыбками, а чуть подальше – бассейн побольше, там днем купались дети: на краю бассейна к ступеньке приткнулась забытая детская игрушка. Хозяин гостиницы жарил шашлык в беседке под черепичной крышей, на терраске примыкавшего к вилле двухэтажного дома за столиками сидели постояльцы и пили вино. Курортная идиллия.

Семенов принес пару банок «Балтики», и они с Тавровым расположились в шезлонгах возле бассейна.

– Как вы считаете, могла на ноутбуке Брена стоять программа, которая в случае несанкционированного доступа уничтожает содержимое винчестера? – спросил Тавров.

– Трудно сказать, – пожал плечами Семенов. – Вообще Витя всегда был осторожным и предусмотрительным человеком. Именно поэтому мне трудно поверить в его исчезновение. Если бы он отправился на встречу с опасными людьми, то обязательно оставил бы какие-нибудь указания: куда идет, зачем... Разве что он уж совсем не ожидал ничего плохого. Витя не выглядел скрытным человеком, но он не любил посвящать в свои дела других людей. У нас с ним нет общих знакомых. Я даже не знаю, с кем он встречался последнее время... я о женщинах говорю. А женщины у него явно были... хотя вряд ли имелась постоянная подруга. Витя не любил длительные связи, не больше полугода даме уделял...

– А он не мог ввязаться в какую-нибудь авантюру и просто недооценить возможной опасности?

– Вряд ли... – задумался Семенов. – Разве что дело представлялось ему исключительно важным. Он вообще бывал очень целеустремленным, если считал, что игра стоит свеч. Еще

когда мы учились в пятом классе, произошел такой характерный случай. Витя не был, что называется, отрадой учителей: вечный выдумщик и заводила. А отец его, Генрих Иосифович – царствие ему небесное! – строгий был человек. Классный руководитель замечания в его дневник писала... да и двойки тоже случались, ведь это только в старших классах мы за ум взялись, стали за аттестат бороться. Ну, и выдергивали мы страницы из дневников, да вот беда: страницы-то были пронумерованы типографским способом. И вдруг в наш класс пришел новенький мальчик, приехал из Еревана. И в его дневнике, отпечатанном в ереванской типографии, страницы пронумерованы не были. Рви, не хочу! Мы все просто позавидовали, а Витя поехал на вокзал и уговорил проводника поезда Москва – Ереван привезти ему такой дневник. И через неделю уже спокойно выдирали страницы с двойками. Вот так!

– А вам, как другу, он не подарил такой же дневник?

– Разумеется, нет! – рассмеялся Семенов. – Понимаете, нужно знать Витю... Для друга ему ничего не жаль, но ведь два таких дневника в одном классе – это еще случайность, а три-четыре – уже закономерность! Учитель обратит внимание, заставит вручную пронумеровать страницы – и привет!

– А почему Брен вдруг ударился в религию? – спросил Тавров.

– Кто же знает? Я помню одного доктора наук, делавшего успешную карьеру, так он вдруг все бросил и ушел в монастырь. А Витя еще такую новость от отца узнал, когда тот умирал... Немудрено ли? Прожить тридцать лет евреем и вдруг узнать, что он на самом деле немец, да еще из дворянского рода! А вы ведь помните, что тогда творилось в стране? Развал, разгул коррупции и преступности, безработица, инфляция. Вот Витя и рванул в Германию как этнический немец. И родственник у него там обнаружился, родной брат его деда.

– А почему же он в Россию вновь вернулся?

– Родственник этот умер и состояния никакого не оставил, – пояснил Семенов. – А тут Вите работу в Москве предложили неплохую, он и приехал. Германское гражданство у него осталось, так что с поездками в Европу – никаких проблем. Чем плохо?

– Он занимался историческими исследованиями или собиранием раритетов? – поинтересовался Тавров.

– Нет, ничего такого он не собирал, – отрицательно покачал головой Семенов. – На это большие деньги нужны. Правда, я слышал, как Витя однажды договаривался о покупке картины, но он объяснил, что это для какого-то знакомого коллекционера.

– Вот вы утверждаете, что Виктор был осторожным и предусмотрительным человеком. Но неужели он не дублировал важную информацию с компьютера... на дискетах, например?

– По идее должен бы, но ни дискет, ни дисков он мне никогда на хранение не передавал, – развел руками Семенов.

– Ну а если все-таки имеются дубликаты важных для Брена файлов? – продолжал допытываться Тавров. – Где их Брен может хранить? На работе?

– Если это важная информация, то вряд ли на работе или дома, – задумался Семенов. – В каком-нибудь тайнике, наверное.

– Но об этом тайнике еще кто-нибудь должен знать, иначе какой смысл?

– Точно! Есть такой тайник! – вдруг оживился Семенов. – Пока были живы мои родители, я не мог женщин домой приводить, понимаете? Короче, я с подругами у Вити встречался. А ключ он оставлял в подъезде, в тайнике. Там, где дверь в подвал, на дверной коробке навешен стальной уголок. Между вертикальной полкой уголка и потолком щель такая, что как раз пальцы проходят. Вот туда Витя ключ прилеплял жевательной резинкой. Диск туда, конечно, не спрячешь, а вот флэшку юзбешиную – вполне!

Хозяин гостиницы, Давид, позвал их есть шашлык.

– По поводу чего угощение? – тихо осведомился Тавров у Семенова.

– По поводу того, что народу захотелось шашлычка, – весело пояснил Семенов.

– Да, вот она, атмосфера юга, – лирически заметил Тавров. – Какой еще повод здесь нужен для радости? Лишь само желание этой радости! А в Москве и рад бы, да все дела, дела...

– Кстати, с вас за радость триста тридцать рублей, – прервал Семенов этот лирический приступ. – Двести пятьдесят за шашлык и восемьдесят – за бутылку вина.

Тавров хмыкнул, спущенный с небес на землю.

Но хозяин как-то узнал, что Тавров служил в уголовном розыске, и растрогался: он и сам отпахал приличный срок следователем, пока не занялся бизнесом. Заговорщически позвав его в кухню, Давид угостил Таврова домашним вином из личных запасов. После чего уже далеко за полночь сын Давида отвез Таврова в гостиницу.

* * *

В отличном расположении духа Тавров на следующий день отбыл в Москву. Из аэропорта он сразу отправился в редакцию журнала «К городу и миру». По дороге он позвонил редактору.

– Господин Зборовский? Это Тавров. Я еду из аэропорта, часам к шести появлюсь у вас, если, конечно, в пробке не застряну. Вы будете на месте? Ага... дождетесь? Ну и отлично!

– Что случилось, Валерий Иванович? – обеспокоенно поинтересовался Зборовский у ввалившегося в кабинет Таврова.

– Ничего особенного, – ответил Тавров, плюхаясь в кресло и вытирая носовым платком пот со лба. – Просто нужно кое-что уточнить о Брене. Только его связи помогут что-либо прояснить. Поэтому меня вот что заинтересовало: наверняка Брен имел записную книжку, возможно, ежедневник... Ну, не всю же информацию он держал в ноутбуке?

– Да, у него был ежедневник, – подтвердил Зборовский. – Довольно увесистая книжка, хоть и карманного формата. Обычно он держал ее здесь, в редакции, но в командировки брал с собой. Иногда брал, когда отправлялся на встречи. Записной книжки я у него не видел, но надо полагать, что и она имелась, – не держал же он телефоны только в мобильнике?

– Можно посмотреть его стол? – спросил Тавров.

Зборовский встал из-за стола, достал из шкафа картонную коробку.

– Мы недавно поменяли офисную мебель, – пояснил он. – Брен сложил все из старого стола сюда, а новый так и не успел обжить.

Тавров заглянул в коробку. Там лежали различные канцелярские принадлежности, включая три степлера, один другого крупнее. Самым крупным можно было без труда прошить целую брошюру. Кроме того, имелись одежная щетка и коробочка с губкой для обуви. И все.

Из бумаг – только стопка листков для записей в фабричной упаковке и визитные карточки в пластиковой коробочке. Ни ежедневника, ни записной книжки, ни одного листочка исписанной бумаги.

– Он вообще что-нибудь писал от руки? – раздосадованно поинтересовался Тавров.

– Ну, разве что короткие записи, отчеты о командировках, – ответил Зборовский.

– А не сохранилось каких-либо случайных записей? Знаете, бывает так: ежедневник не всегда под рукой, и люди записывают телефоны и договоренности о встречах на клочках бумаги.

– Нет, Виктор был очень аккуратным человеком и все записывал в ежедневник, – отрицательно помотал головой Зборовский и вдруг хлопнул себя по лбу: – Да! Буквально перед своим исчезновением Виктор был у меня в кабинете, и секретарь переключила звонок Брену ко мне. Звонил мужчина. Брен выслушал его, записал что-то на моем перекидном календаре. Листок с записью он вырвал и унес с собой. Но ведь след от ручки должен был остаться на следующем листе! Понимаете? – возбужденно объяснил Зборовский и принялся лихорадочно перелистывать календарь. – Ага, вот он! Видите? Вот след от шариковой ручки!

Зборовский схватил карандаш и стал тщательно заштриховывать календарную страницу. Там отчетливо проявились несколько слов, продавленных шариком.

– Вот! Что я говорил? – торжествующе вскричал Зборовский, донельзя довольный своими дедуктивными способностями. Он вырвал листок из календаря и протянул его Таврову. Тот достал из кармана лупу на деревянной ручке и изучил надпись. Слова были написаны в столбик, друг над другом и прочитывались отчетливо: «Завтра. 18.00. М. Алтуф. Перекресток. Варежка».

– Он писал на листке с текущей датой? – поинтересовался Тавров.

– Да, – кивнул Зборовский. – Он очень торопился и записал прямо на открытом календаре. То есть «завтра» – и есть то число, что указано на этом листке.

– Двадцать пятое июля, – прикинул Тавров. – А ведь именно двадцать пятого Брен оставил ноутбук у Семенова! И я пока не нашел никого, кто бы видел Брена после двадцать пятого июля. Так, «м. Алтуф.» – это явно станция метро «Алтуфьево». Перекресток... У вас есть карта?

– Да, в компьютере.

Зборовский открыл карту.

– Станция метро «Алтуфьево» находится как раз на перекрестке Алтуфьевского шоссе и Череповецкой улицы, – удовлетворенно констатировал он. – Выходит, на этом перекрестке в шесть часов вечера Брен должен был с кем-то встретиться.

– Вообще-то перекресток довольно большой, – с сомнением заметил Тавров. – Час пик, много народу, оживленное движение... Не так просто увидеть человека, с которым ты должен встретиться, если заранее не оговорено более точное место. А что такое «варежка»? Может, это кафе или ресторан?... Короче, я поехал в Алтуфьево!

* * *

Приехав и выйдя из метро на улицу, Тавров увидел супермаркет «Перекресток». Но обнаружить поблизости от него кафе, ресторан или магазин под названием «Варежка» ему не удалось. Тавров обратился в УВД «Алтуфьево», и там ему категорически заявили, что в районе нет ни одного кафе, магазина или даже детского сада с официальным или неофициальным названием «Варежка».

Тавров валился с ног от усталости. Шел десятый час вечера, но имелось еще одно дело, которое Тавров решил не откладывать на завтра. Он поймал машину и через полчаса оказался у дома Брена. У подъезда никого не было, поэтому Тавров мог беспрепятственно выполнить то, ради чего приехал. Он вошел в подъезд (благо запомнил код подъездного замка) и подошел к двери в подвал. Обитая стальным листом дверь была надежно заперта на древний амбарный замок. Но не подвал интересовал Таврова. Он засунул ладонь в щель между дверной коробкой и низким потолком и сразу нащупал пальцами небольшой предмет. Не веря в удачу, осторожно извлек его. Это была флэшка Kingstone с оставшимся на корпусе кусочком жевательной резинки!

Тавров торопливо сунул флэшку в карман рубашки, застегивавшийся на липучку, и пулей выскочил из подъезда, чуть не сбив с ног стоявшую у двери старушку.

– Весь подъезд зассали, алкаши проклятые! – донеслось ему вслед. – Сталина на вас нет, сволочи!

Тавров добрался до дома на такси, ворвался в квартиру и торопливо включил компьютер, проклиная слабенький процессор, издевательски медленно грузивший операционку. Наконец винчестер перестал возмущенно гудеть, и Тавров воткнул флэшку в разъем, отчаянно молясь: «Господи, пусть Виндозна распознает флэшку!»

Виндоза «обнаружила новое устройство», и в окне проводника появился новый диск. Тавров облегченно вздохнул и раскрыл содержимое флэшки. Там лежало всего несколько файлов с расширением doc. Тавров щелчком открыл первый. Word неторопливо загрузился и высветил текст: «12 сентября 1201 года от Р.Х., Адриатическое море, близ побережья Далмации».

«Что вас беспокоит, Марко?»

* * *

– Что вас беспокоит, Марко?

– Мне не нравится вон та туча, фра Джованни, – озабоченно проговорил Марко, внимательно вглядываясь в горизонт. – Сколько плаваю в этих местах, а такой здесь еще не видел. Вполнеба и словно отлита из свинца. Надеюсь, шторм все-таки пройдет стороной. Вам не стоит беспокоиться: я и мои братья – достаточно опытные моряки, а наш неф бывал в разных переделках и никогда не подводил, уж поверьте мне!

– Не шторм меня заботит, Марко, – отозвался стоявший рядом с мореходом монах-цистерцианец. – Все в руках Божьих, и лишь на Него я уповаю. Но вот ваш пассажир... Вам не следовало брать его на борт, Марко! Уж больно он плох, и боюсь, что жизненных сил у него осталось слишком мало, чтобы он мог выдержать долгий путь до Константинополя. Лучше бы ему было остаться в Каттаро!

– Да, ромей выглядел неважно, когда его поднимали на борт, – согласился Марко. – И скажу честно, что покойник на борту – одна из самых дрянных примет из всех, известных кораблям. Но, как видно, если ему и суждено в скором времени умереть, то он хотел бы встретить свой последний час на родине, в своей постели, в окружении друзей и близких. И пусть он схизматик, но разве может христианин отказать в последнем желании тому, кто верует в Господа нашего?

И Марко набожно перекрестился. Он счел благоразумным умолчать, что взял на борт умирающего не столько под влиянием христианского сострадания, сколько под впечатлением тяжести мешочка с золотыми монетами, который передал ему человек, сопровождавший ромея в Каттаро.

– Марко! Марко!

Голос одного из братьев Марко прервал беседу.

– Что случилось, Лука? – повернулся Марко к брату.

– Ромею совсем плохо, – встревоженно сообщил Лука. – Он хочет видеть священника.

– Ты сказал ему, что у нас на борту только монах-цистерцианец? – осведомился Марко.

– Да, разумеется! – подтвердил Лука. – Но он сказал, что сейчас это не имеет значения. Фра Джованни, поторопитесь! Ему совсем плохо.

– Да, я иду! – заспешил фра Джованни. Он добрался до ахтеркастла – надстройки на корме нефа, придерживая полы серой рясы, быстро поднялся по лесенке и скрылся за дверью в помещение, где лежал умирающий пассажир.

Марко посмотрел ему вслед, затем решительно направился к рулевым.

– Матеа! Мне нужно уединиться... по очень важному делу... И я хочу, чтобы мне никто не мешал! Корабль на тебе.

– Марко, шторм идет прямо на нас! – с беспокойством заметил Матеа.

– Он еще слишком далеко, чтобы начать волноваться по этому поводу, – отозвался Марко и открыл дверь в свою каюту, находившуюся в надстройке рядом с каютой пассажира. Запер дверь изнутри на засов и осторожно отодвинул висевшее на переборке распятие, за которым обнаружилось небольшое отверстие. Марко заглянул в «глазок» и увидел силуэт монаха, скло-

нившего над постелью умирающего. Марко прижал ухо к дырочке и затаил дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Я готов освободить вас от груза грехов, сын мой, – мягко говорил монах, поправляя подушку под головой ромей. – Слушаю вас.

– Фра Джованни, – прерывистым голосом еле слышно проговорил умирающий. – Я позвал вас, чтобы освободиться от груза той страшной тайны, что тяготит меня последние годы... и груз моих грехов – всего лишь пушинка по сравнению с этой лежащей на моих плечах горой, которую не я сам взвалил на свои плечи, но волею Провидения и Серебряного Ангела...

Тут он закашлялся и кашлял долго и мучительно. Монах налил воды из кувшина и напоил страдальца. Когда кашель утих, ромей продолжил речь:

– Груз сей так тяжел для христианина, что я, не в силах более его выносить, решил доверить тайну на сохранение Божьей Матери, Спасителю нашему и моему Небесному Покровителю... Но не успел сделать все до конца... Потому умоляю вас принять эту тайну на себя. Не откажите мне, фра Джованни!

– Воля умирающего должна быть исполнена, сын мой, – твердо сказал монах. – Откройте свою душу мне без всяких сомнений.

– Прежде всего протяните руку и возьмите висящий у меня на груди складень, – попросил ромей. – Быстрее, фра Джованни! Я чувствую, как силы меня покидают...

Монах осторожно приподнял голову ромей и снял с его шеи висевший на цепочке серебряный складень.

– Я не успел сделать все до конца, – с усилием выговорил ромей. – Поэтому вам нужно побывать у меня в доме и взять одну вещь... это шкатулка черного дерева, полированная, с резьбой... скажите, что я завещал ее вам. Родственники поверят, не посмеют ослушаться последней моей воли. В шкатулке – все...

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, – нерешительно произнес монах. Он явно полагал, что слышит предсмертный бред.

– Наклонитесь ко мне, – попросил ромей. – Я уже почти не могу говорить... но я должен сказать, что там... иначе вы так и не поймете...

Монах склонился над умирающим, и, как Марко ни старался, он больше не смог расслышать ни слова.

Когда Марко вышел на палубу, к нему подбежал Лука.

– Ну? Что сказал ромей? – задыхаясь от волнения, спросил он брата. – Он поведал монаху, где спрятаны сокровища?

– Вроде того, – скупно отозвался Марко.

– Я так и знал! – возликовал Лука. – Этот ромей был совсем небедный человек! А сколько золота отвалил его друг, чтобы мы доставили ромей в Константинополь?! Да за такие деньги можно перевезти целый легион!

– Все не так просто, – озабоченно проговорил Марко, глядя на стоявшего у борта монаха. Тот был так бледен, что даже закатное солнце не смогло раскрасить багрянцем его мертвенных щек. Монах что-то шептал, устремив невидящий взгляд на горизонт, а из его крепко сжатой ладони свисала серебряная цепь.

– Поговорим позже, Лука, – решительно сказал Марко и направился к монаху. Тот не заметил приближения Марко и продолжал истово молиться. Марко остановился за его спиной, пытаясь расслышать слова молитвы.

– Зачем ты послал мне сие испытание, Господи? Невозможно доброму христианину поверить в такое, ибо не сказано об этом ни слова в Писании! Что мне делать и куда нести сей груз? Пошли знак, Господи, что мне делать?! – бормотал монах.

– Смотри, Марко!

Марко вздрогнул от неожиданности и обернулся. Лука дрожащей рукой указывал на тучу. Она страшно почернела, набухла, заволокла почти весь горизонт, а между тучей и вздымающимся гряды волн морем извивался в диком танце диковинный столб.

Монах вернулся к действительности и изумленно вскричал:

– Что это?!

– Это водяной столб! – со страхом в голосе отозвался Марко. – Я видал такое, когда ходил в скифские земли. Он вращается и несется с бешеной скоростью, сметая все на своем пути. Он захватывает все, что попадется ему, и возносит к самым небесам, чтобы затем низвергнуть вниз, к чертям, в самую преисподнюю!

– Господь с вами, Марко! – укоризненно воскликнул монах, перекрестившись. – На корабле усопший, Господь послал нам испытание, а вы поминаете преисподнюю!

– Вот именно! – закричал в ответ Марко. – Я поклялся довести ромея до Константинополя, но, как видно, покойный нужен морским духам! И они всерьез решили забрать его себе, хотя бы даже вместе с нами!

– Марко! Вы же христианин! Как вы можете говорить о каких-то языческих духах?! – изумился монах.

– Я слишком много времени провел в морях и знаю, что надо делать, – отозвался Марко. – Эй, Лука! Тащи мешок и камни из балласта! Я не хочу отправляться на дно вместе с этим покойником, черт его побери!

Двое человек из экипажа во главе с Лукой притащили мешок и несколько балластных камней, затем быстро вынесли покойника из каюты.

– Быстрее, быстрее, черти вас задери! – ругался Марко, с беспокойством поглядывая то на неумолимо приближавшийся смерч, то на моряков, торопливо засовывавших в мешок тело и балласт.

– Да простит вас Господь за эти слова! – в ужасе вскричал монах.

– Если мне удастся выбраться живым из этой переделки, то считай, что простил, – криво усмехнулся Марко и повернулся к Луке: – Ну, что там?

Лука на скорую руку зашил мешок несколькими кривыми стежками и отозвался:

– Готово!

– Кладите доску с покойником на борт, – приказал Марко и крикнул монаху: – Фра Джованни! Отходную молитву! И побыстрее!

Монах торопливо затараторил на латыни. Моряки с ужасом смотрели на неотвратимо приближавшийся смерч. Беснующиеся волны швыряли большой двухмачтовый неф как щепку, и моряки хватались за борт, стараясь не уронить покойника раньше времени.

– Аминь! – наконец закончил молитву монах.

Мешок соскользнул с доски и скрылся в волнах. Марко неотрывно следил за смерчем.

– Смотрите, столб уходит в сторону! – радостно вскричал он.

Смерч повернул к западу. Его контуры постепенно истаивали, размывались, и вдруг он разорвался посередине. Верхняя часть скрылась в туче, а нижняя исчезла в волнах.

– Спасибо тебе, Матерь Божья, заступница наша! – ликующе воскликнул Марко, осеняя себя крестным знамением.

Все дружно вознесли молитву.

– Буря нам уже не грозит? – спросил монах Марко.

– Господь услышал наши молитвы, и шторм уходит в сторону Италии, – ответил Марко. – Когда взойдет солнце, вы снова увидите лазурную гладь моря. А ведь казалось, что мы непременно составим компанию ромею в его последнем путешествии, не правда ли, фра Джованни?

– Я бы предпочел отправиться на дно вместе с ромеем и с тем, что он рассказал мне перед смертью, – мрачно отозвался монах, приходя в себя окончательно.

* * *

Тавров прочитал текст и задумчиво почесал затылок. Потом открыл остальные файлы и бегло их просмотрел. Все это походили на фрагменты некоего исторического романа. Брен писал роман? Но почему же текст было необходимо прятать в тайнике?!

Впрочем... Тавров вспомнил, как лет двадцать пять тому назад один человек, получивший наследство, обратился в милицию с просьбой помочь вскрыть сейф умершего отца. Сейф оказался солидной дореволюционной конструкцией. Тавров сжался над незадачливым наследником и нашел старого, давно отошедшего от дел медвежатника. Тот с энтузиазмом отнесся к предложению вспомнить молодость и после долгих усилий сумел отомкнуть сейф. В нем лежала толстая папка с бумагами, содержащими таблицы и расчеты. Кроме нее, в сейфе находился полиэтиленовый пакет, битком набитый заполненными билетами «Спортлото». Таинственную папку передали экспертам. Оказалось, что покойник как зеницу ока хранил свой труд, в котором он на протяжении многих лет пытался раскрыть зависимость выпадения цифр в «Спортлото» от фаз Луны. Пакет с сотнями билетов неопровержимо свидетельствовал, что в данном деле ему преуспеть не удалось.

А ведь покойник явно считал эти труды смыслом всей своей жизни!

Может, и Брен полагал, что он пишет эпохальный роман? Надо бы подробнее изучить содержимое, но Таврову зверски хотелось спать. Он распечатал на принтере тексты и сложил их в папку: будет время – прочитает все повнимательнее. Оставалось только почистить зубы и лечь в постель. Тавров торопливо умылся, вошел в комнату и увидел нечто, от чего спать ему начисто расхотелось.

На журнальном столике вокруг забытой джезвы с кофейной гущей танцевали странные крохотные создания с крылышками. Тавров различил едва слышные звуки музыки и залихватистый смех веселых существ. «Что это?! Эльфы?!» Тавров ущипнул себя за руку. Больно! Похоже, он не спит... Значит, это наяву?

Тавров стоял столбом и смотрел на танцующих эльфов. Танец словно заморозил его, и сыщик даже не мог бы сказать, сколько он так проторчал. Раздалась резкая трель дверного звонка, музыка прекратилась, а эльфы, смеясь, хороводом, держась за ручки, вылетели в открытую форточку.

Глава 4

Звонок повторился. На этот раз он длился дольше: визитер явно терял терпение. Тавров закрыл форточку и поспешил к входной двери. В памяти его всплыл старый анекдот: мужик открывает на звонок, а за дверью стоят жираф, обезьяна и хомячок. «Вам чего?» – спрашивает обалдевший мужик. «Есть информация, что здесь злоупотребляют галлюциногенами», – деловито поясняет хомячок.

А год тому назад при неких обстоятельствах, о которых Тавров не любил вспоминать, к нему вот так же требовательно звонил ночью в дверь конь в пальто.

Тавров прильнул к дверному «глазку» и с облегчением обнаружил, что за дверью нет ни коня, ни хомячка, а виден лишь прилично подвыпивший сосед снизу, которому явно не терпелось «догнаться». Тавров открыл ему дверь, одолжил столик «до полочки» и поспешил выпроводить рассыпавшегося в благодарностях незваного гостя.

Вернувшись в комнату, Тавров внимательно осмотрел все углы и даже заглянул под диван: не прячется ли там в засаде партизанский отряд троллей? Но все было спокойно. Тавров потянулся было за коньяком, но передумал и принял таблетку нозепама: он надеялся, что со снотворным ему удастся выспаться, не вскакивая от малейшего шороха.

* * *

Тавров проспал как убитый до десяти часов утра. Проснувшись, он осторожно свесил голову с подушки и посмотрел на тапочки: не нагадил ли в них какой-нибудь вредный гном? С тапочками было все в порядке, и успокоенный этим обстоятельством Тавров отправился в ванную. Контрастный душ прогнал остатки сна, а омлет с сыром и крепкий кофе вернули ему бодрость и оптимизм.

Тавров включил мобильник, чтобы позвонить Кате. И в этот момент раздался звонок в дверь. Долгий и требовательный звонок. Как вчера, Тавров посмотрел в «глазок» и торопливо защелкал запорами: на площадке в грозном расположении духа стояла Ленора.

– Господи, Валера! Я вся на нервах! Куда ты исчез?! Телефоны не отвечают! Разве так можно?! Ты наверняка забыл, что сегодня мы идем на юбилей Ефросиньи!

– Ну, как же, Ленора, я отлично помню! – защищался Тавров. – Но ведь только двенадцатый час...

– Ты забыл? Ведь надо еще заказать грузовое такси, – напомнила Ленора.

– Какое такси? Зачем? – удивился Тавров.

– А светильник ты потащишь на электричке? – иронически осведомилась Ленора. – Да он там просто в дверь не пройдет!

Тавров совсем забыл о светильнике, который, подобно памятнику в картонной скорлупе, возвышался посреди комнаты.

– Вот, позвонишь по этому номеру и закажешь машину. – Ленора протянула ему визитку. – Только сначала свари мне кофе. Я с ног валюсь: встала в такую рань, чтобы успеть к парикмахеру. Салон находится бог знает где, а мастер записал меня на утро, все остальное время забито уже какими-то фифами... Как тебе моя прическа?

Тавров молот кофе, восхищался прической и пытался сообразить, куда он четверть минуты назад засунул визитку, которую ему всучила гостья: Ленора обладала несомненным талантом повергать в смятение и выбивать из колеи даже тех, кто знал ее не один десяток лет.

Тавров сварил кофе и выставил на стол стеклянные чашки, которые сто лет тому назад привез из единственной за всю его жизнь зарубежной командировки в Чехословакию.

– Те самые чашки, – ностальгически вздохнула Ленора. – Помнишь, Валера?

Тавров не успел ни вспомнить, ни ответить: зазвонил мобильник.

– Извини, Ленора... Да, слушаю!

Звонил Павлов.

– Валерий Иванович, добрый день! Нам надо бы увидеться, есть кое-какая информация.

Тавров искоса взглянул на Ленору: та в упор смотрела на него, словно воплощая собой не произнесенную вслух фразу: «Даже не думай!»

– Э-э... Вадик, это очень срочно?

– Это по вашему делу, Валерий Иванович, – пояснил Павлов и, секунду помолчав, добавил: – Впрочем, если вам сейчас некогда, то давайте завтра, хорошо?

– Хорошо, давай завтра, – охотно согласился Тавров, и Ленора расслабилась.

– Так... что там насчет чашек? – улыбнулся Тавров Леноре. – Как я их привез? Ну конечно, помню! Смешная была история...

* * *

Тавров наконец отправил злополучный светильник грузовым такси по адресу, который ему на бумажке записала Ленора, и вздохнул с облегчением. Он думал, что Ленора уедет к себе и он спокойно соберется, не торопясь выберет галстук из тех обширных запасов, что она ему надарила за все эти годы. Но Ленора потребовала, чтобы он поехал к ней домой и помог ей в выборе наряда на сегодняшний вечер. На робкую попытку возразить (надо, мол, выбрать галстук и сорочку) Ленора безапелляционно ответила:

– К твоему единственному приличному костюму великолепно подойдет сорочка, которую я подарила тебе на Новый год. А галстук – тот, что я подарила тебе на День милиции!

Через десять минут они уже сидели в такси, направляясь домой к Леноре. Там Ленора долго выбирала из пяти платьев, которые она купила специально к юбилею Ефросиньи. Задача выбора усложнялась тем, что платье должно было идеально сочетаться как с украшениями, так и с туфлями. За каких-нибудь два часа казавшаяся невыполнимой задача наконец блестяще разрешилась, и Тавров удовлетворенно констатировал, что ему не придется платить за простой вызванного по телефону такси.

Дача Ефросиньи была, собственно говоря, не дачей, а двухэтажным загородным домом в коттеджном поселке, который Ефросинья наконец приобрела, продав свою огромную квартиру на Сретенке. Поселок находился недалеко от Москвы. Назывался – Монино. Менее чем через час такси уже въехало во владения Ефросиньи. На участке в сорок соток разместился не только дом, но и великолепно спланированный садик.

– Светильник, наверное, уже привезли, – предположила Ленора. Но ничего монументального и сравнимого по размерам с самим домом на участке не наблюдалось.

Ефросинья лично встречала гостей, и половина гостиной, а также почти вся прихожая были заставлены подарками и цветами. Цветов было столько, что от их запаха у Таврова немедленно закружилась голова. Он вручил огромный букет роз Ефросинье с дежурными пожеланиями здоровья, счастья и ритуальным троекратным лобзанием.

Гостей явилось меньше, чем ожидал Тавров, человек двадцать. Среди них он заметил несколько знакомых лиц, но хорошо знал он только бизнесмена Гитарова, который радостно приветствовал сыщика. Ефросинья представила Таврова и Ленору присутствующим и предложила немного расслабиться и пообщаться, прежде чем начнется торжественная часть.

Тавров облегченно вздохнул и попытался подойти к буфету, в котором углядел великолепный выбор коньяков. Но тут за его плечом раздался голос Ефросиньи:

– Валера! Позволь представить тебе моего старого друга, сэра Роберта, графа Данало.

Тавров обернулся и увидел Ефросинью рука об руку с благостно улыбающимся высоким седым стариком, напоминавшим актера Зельдина.

– Весьма рад, сэр э-э... Роберт.

– Если мы выпьем с вами по русской традиции на брудершафт этот божественный напиток, – проговорил с едва уловимым акцентом граф, – то сможем перейти на «ты», и без всяких «сэров».

Тавров с готовностью налил в бокалы коньяк и выпил с графом на брудершафт. Ефросинья подхватила под руку подошедшую Ленору, и дамы растворились в толпе гостей.

– А вы... то есть ты, Роберт, откуда сам? – осведомился Тавров, макая дольку лимона в сахарную пудру.

– Я чистокровный ирландец, – ответил граф. – Мой предок был в числе рыцарей, завоевавших Ирландию в тринадцатом веке вместе с лордом Стронгбоу. Вот уже более семи веков мой род живет в Ирландии.

– Ага, так ты из Ирландии?

– Собственно, я британский подданный, поскольку владения моего рода находятся на территории Ольстера. Однако наш род традиционно исповедует католицизм.

– Хм, н-да... – удивленно хмыкнул Тавров. – А как ты познакомился с Ефросиньей? Она же никогда не выезжала из России.

– От тебя, Валерий, ничего не скроешь, – улыбнулся граф. – Чувствуется полицейская хватка. Предвосхищая дальнейшие вопросы, сообщаю: во время Второй мировой войны я, еще будучи безусым юнгой, пришел в Мурманск с караваном судов. При подходе к порту нас атаковали немецкие самолеты. Русские истребители не позволили торпедоносцам и бомбардировщикам прицельно отбомбиться, но одна торпеда все-таки угодила в наш транспорт. Команда уже эвакуировалась на русский эсминец, но тут еще одна немецкая бомба взорвалась на баке, и взрывная волна сбросила меня в море. Я был весь наспигован осколками, контужен, потерял сознание. Старший брат Ефросиньи, служивший на эсминце, бросился за борт в ледяную воду и надел на меня спасательный круг, после чего нас обоих канатом подняли на борт. Я был практически мертв, когда меня доставили в госпиталь, доктор Белисенов поистине вытащил меня с того света. Потом в течение года мне сделали еще четыре операции. За год я выучил русский язык, а с доктором Белисеновым мы подружились. Много позже, уже в начале семидесятых, когда Брежнев начал политику «разрядки» и в СССР стало довольно просто приехать, я встретился в Москве с Белисеновым и Ефросиньей. Брат Ефросиньи, увы, погиб в 1944 году в Лапландии, во время высадки десанта морской пехоты, и я был лишен возможности его отблагодарить. Но мы подружились с Ефросиньей, и на сегодняшний день она – мой единственный друг. Ведь доктор Белисенов давно скончался, а его сын...

Тут граф сделал паузу, мельком взглянув на Таврова. Тавров вздохнул и понимающе наклонил голову: сын доктора Белисенова, священник отец Иоанн, год тому назад исчез при хорошо известных Таврову обстоятельствах, о которых не следовало распространяться при непосвященных.

Граф понравился Таврову – своей открытостью и отличным русским языком.

– Слушай, Роберт, – обнял Тавров за плечи графа. – Меня вот всю жизнь занимал вопрос: чем занимаются графы и прочие аристократы? На заводе работать им не надо, я так полагаю?

– Вы явно были членом коммунистической партии! – рассмеялся граф. – Скажу по секрету, что в молодости я тоже состоял в коммунистической партии. Но это дело прошлое. Теперь я типичный помещик и капиталист: живу на доходы от поместья и акций крупной компании, в которой я до недавнего времени был вице-президентом. Сейчас я возглавляю фонд, занимающийся поисками ценностей, исчезнувших в разное время из музеев и частных коллекций. Фонд обеспечивает их возвращение законным владельцам.

– Так ты в России по делам фонда?

– Нет, просто приехал поздравить Ефросинью. Я отдыхал на своей яхте, плавая по Черному морю, и в Москву приехал из Новороссийска. А яхта теперь будет ожидать меня в Греции. Оттуда я отправлюсь в Черногорию, Хорватию и Италию. Я был бы очень рад видеть тебя, Валерий, на борту своей яхты!

Тавров тоже был бы рад видеть себя на борту яхты, крейсирующей по теплым морям мимо живописных берегов. Но надо искать Брена... Оставалось только поблагодарить графа за приглашение. И тут Тавров вспомнил о загадочном превращении Виктора Брена из еврея в немецкого дворянина.

– Кстати, Роберт! Тебе как потомственному аристократу не составит труда выяснить кое-что по генеалогии одного немецкого дворянина?

– Рад буду помочь, – любезно отозвался граф.

Тавров написал на бумажке: «Виктор Генрихович Брен, родился в 1965 году в Москве, отец – Генрих Иосифович Брен», и передал записку графу. Тот мельком взглянул на текст и спросил:

– Ты уверен, что это немецкий род? Я знаю во Франции род с такой фамилией.

– Вроде бы да, но я не уверен, – честно признался Тавров. – Потому и прошу твоей помощи. Буду весьма и весьма признателен!

– Да что ты, это пустяки! – отмахнулся граф. – Через две недели получишь полную генеалогию этого Брена, если он действительно из дворянского рода.

Подожли Ефросинья и Ленора.

– Роберт, рада наконец представить тебе мою подругу Ленору.

– О, я много слышан о вас, уважаемая Ленора Павловна, – произнес граф, галантно прикладываясь к ее руке. – Валерий, несомненно, будет возражать, но я просто обязан вас похитить у него как минимум на сегодняшний вечер. Валерий, ты не возражаешь? Но как человек чести я обязан предупредить: возражения не будут приняты! Дуэль и все такое...

– В таком случае как благоразумный человек я оставлю свои возражения при себе, – усмехнулся Тавров. – Но в отместку похищу у тебя Ефросинью!

И джентльмены разошлись, вполне довольные разрешением сложной ситуации. Ленора вдруг обернулась и крикнула Таврову:

– Валера! А наш подарок привезли?

– Разумеется! – отозвался Тавров, не вникнув в суть вопроса Леноры.

Тавров и Ефросинья прошли по дорожке и оказались в небольшой беседке возле крохотного пруда. В пруду лениво плавали разноцветные рыбы. Тавров вдруг остановился и воскликнул:

– Черт возьми! Нет, у меня положительно все мозги отшибло!

– Валера! Разве может «положительно» отшибить мозги? – рассмеялась Ефросинья. – Что случилось?

– До сих пор не привезли наш подарок! – с досадой воскликнул Тавров. Он достал мобильник и набрал номер диспетчера. Поговорив с ним, он растерянно сообщил Ефросинье: – Ты представить себе не можешь, какая случилась ерунда. В накладной по ошибке вместо «Монино» написали «Манино». Уму непостижимо!

Мобильник ожил, Тавров торопливо поднес аппарат к уху. С минуту он молча слушал, потом обреченно произнес:

– Хорошо, я оплачу.

– А теперь что? – спросила Ефросинья, с трудом сдерживая смех.

– Это диспетчер. Понимаешь, в Манино такой же коттеджный поселок, а владельцы коттеджа, где выгрузили наш подарок, ждали мебельный гарнитур. Хозяйка расписалась в накладной, не посмотрев... А когда им привезли настоящий мебельный гарнитур, они поняли, что

здесь что-то не так. В общем, диспетчер заявила, что ошибка произошла по моей вине, и предложила оплатить стоимость перевозки нашего груза из Манино в Монино.

– Неужели коробку с подарком можно спутать с мебельным гарнитуром? – удивилась Ефросинья.

– Можно, – мрачно подтвердил Тавров. – Если в коробке находится садовый светильник, по сравнению с которым фонари у храма Христа Спасителя кажутся скромными торшерами, тогда можно.

– Узнаю Ленору! – так и прыснула Ефросинья.

Отсмеявшись, она примирительно сказала:

– Не переживай, Валера. Я скажу Леноре, что светильник требуется собрать перед установкой, и это произойдет не раньше завтрашнего дня. Лучше вот что скажи... Ведь твои мысли вовсе не о светильнике. Что тебя так волнует?

– Я ищу одного человека, – начал Тавров. Они сели на скамейку в беседке, и Тавров в общих чертах рассказал о деле, а также упомянул и о неиссякаемой бутылке и танцующих эльфах.

– Я в Пограничной Зоне? – прямо спросил он, испытующе глядя на Ефросинью.

– Ты правильно понимаешь, Валера, – подтвердила Ефросинья, бросая рыбкам в бассейне корм. Те немедленно устроили свалку.

– Почему?!

– Я не знаю, Валера, – устало ответила Ефросинья. – Все как в тумане... Похоже, что кто-то тебя туда ввел, но зачем?... Пока что ничего угрожающего нет. Ну, танцующие эльфы заглянули на огонек... а неиссякаемая бутылка – так это даже приятно, согласись!

– Ох, мне не до шуток, Ефросинья! – с горечью отозвался Тавров. – Кто же это так меня?! Похоже, что фра Арнольдо, не зря он так: все вокруг да около, скользкий тип... Черт! Как вспомню свое прошлое пребывание в Пограничной Зоне, так мороз по коже!

– Бедный ты мой, – ласково погладила его по голове Ефросинья.

– За сочувствие спасибо, – кисло усмехнулся Тавров. – Только мне что делать? А?

– Ждать, Валера, ждать! – ответила Ефросинья. – Что ты делаешь сейчас? Ищешь Брена? Ну и ищи его, делай свое дело. И жди.

– Да чего ждать-то?! – с досадой воскликнул Тавров.

– Момент истины, – спокойно пояснила Ефросинья. – Когда все тайное станет явным. Это, Валера, как экзамен: взял билет с вопросами – вот и момент истины, тут все ясно: ответишь или не ответишь, сдашь экзамен или провалишь...

– А шпаргалкой можно воспользоваться? – пошутил Тавров.

– Если сумеешь, – улыбнулась Ефросинья. – Но если поймают – переэкзаменовки не будет.

– Я все понял, – сказал Тавров, поднимаясь со скамейки. – Спасибо и на этом.

У двери дома они встретили графа и Ленору.

– Мужчины! Можете выпить аперитив, и прошу к столу! – объявила Ефросинья.

Граф и Тавров пробрались к буфету и налили себе по бокалу коньяка.

– Удивительная женщина! – сказал граф. – Но, наверное, вам с ней нелегко.

– Бывает, – согласился Тавров. – Ленора когда-то буквально спасла меня.

– Вот как? – удивился граф.

– Да. Ведь я знал ее с детства, жили в одном дворе, дружили, но... Она рано вышла замуж за друга ее отца. А потом... Я был оперативником уголовного розыска и однажды брал опасного преступника. Недооценил противника, и он ударил меня ножом, а затем выбросил в окно четвертого этажа. Я месяц провалялся в коме, а очнувшись, увидел Ленору. Она весь месяц просидела у моей постели. Отлучалась, только чтобы сварить мне куриный бульон. Она каждый день его варила и говорила: «Когда Валера очнется, то непременно захочет свежий

куриный бульон». Может, этот бульон и спас меня. Врачи собирались отправить меня на инвалидность, но через год я снова приступил к работе.

– А муж? – осторожно поинтересовался граф.

– Он как раз тогда и ушел. Нелегко жить с женщиной, которая каждый день проводит у постели коматозника и прибегает домой только для того, чтобы сварить этому полутрупы бульон, абсолютно не вспоминая о живом муже.

Тавров помолчал, покачивая бокал с янтарной жидкостью, потом закончил:

– Мы так и не поженились. Почти двадцать пять лет ходим друг к другу в гости – и все!

Вот такая странная жизнь...

– Давай выпьем за верность, – предложил граф. Что и было сделано.

Они направились к столу, и в этот момент зазвонил мобильник Таврова.

– Извини! – улыбнулся он графу.

Тот вежливо улыбнулся в ответ и сделал знак рукой: дескать, догоняй!

– Слушаю, Тавров!

– Это я, Валерий Иванович! – раздался в трубке глухой голос Павлова.

– Да, Вадик, слушаю! Что случилось?

– Да ничего, Валерий Иванович. Я подготовил материал по поводу разъездов Шрайбера по России... Путешественник еще тот!

– Хорошо, завтра встретимся, и ты мне передашь материал! – обрадовался Тавров. – Что-нибудь еще?

– Вы ничего подозрительного не замечали? – после некоторой паузы спросил Павлов.

– Когда?

– Ну... сейчас. Вы ведь в новом загородном доме Ефросиньи?

– Да, ее юбилей отмечаем, – подтвердил Тавров, подивившись осведомленности Павлова. – А что случилось, Вадик?

– Нет, ничего, Валерий Иванович! Отдыхайте спокойно! – сказал Павлов. – До завтра.

Тавров спрятал мобильник в карман. Ему не понравился звонок Павлова. Что-то случилось, но Павлов пока не видит реальной угрозы и не хочет волновать его раньше времени. Но явно что-то случилось... И это «что-то», похоже, не сулит ему ничего хорошего.

* * *

Банкет удался на славу и закончился далеко за полночь. Как ни странно, Тавров сохранил бодрость и, оказавшись в выделенной ему в доме отдельной комнате, даже решил почитать захваченные с собой тексты Брена. Он открыл папку. Что там дальше? Ага, вот заголовок: «489 год от Рождества Христова, 23 августа, Северная Италия».

«Два всадника...»

* * *

Два всадника не спеша ехали через лес, наслаждаясь в жаркий августовский полдень тенью раскидистых вековых деревьев. Ехавший немного впереди, почти старик, лет шестидесяти, а то и старше, был погружен в известные только ему размышления, и раздумья его, похоже, были невеселыми. Рука его нервно сжимала рукоятку меча, морщины на лице от тяжелых мыслей пролегали еще глубже и казались трещинами в старой дубовой доске. Второй был помоложе, лет двадцати, он не смел прервать мысли старшего и терпеливо ожидал, пока спутник сам заведет разговор, но был готов приблизиться по первому знаку.

– Странную вещь сегодня утром сообщил мне человек в сером балахоне, – сказал, глядя в пространство, старик.

Молодой спутник немедленно догнал его и пустил своего коня рядом с конем предводителя, внимая каждому слову угрюмого старца.

– Он был похож как две капли воды на того упрямого монаха, которого я приказал убить в Норике, – продолжал старик. – Я часто видел его во сне и разговаривал с ним. Он предсказал мне тринадцать лет власти. А я посмеялся над ним и приказал его убить, поскольку увидел в его словах стремление унижить меня. Я хотел убить и этого, но мои члены словно холод сковал: мне показалось, что это тот убитый пришел из Норика за мной. Он сказал мне: «Сегодня ровно тринадцать лет, Одоацер, как ты вознесся на вершину, и с сегодняшнего дня ты начнешь с нее сходить и убедишься, насколько путь вниз быстрее, чем вверх». Ученый человек, счет дням ведет... Нет, надо было приказать его убить! Но я не сделал этого. Спроси меня, Бран, почему я этого не сделал?!

– Почему, господин? – послушно спросил Одоацера его молодой спутник, названный им Браном.

Одоацер рассмеялся сухим старческим смехом.

– Потому что его устами говорит Истина! Неужели ты не видишь, мой верный Бран, как годы до срока источили меня? – с горечью спросил он. – Я выгляжу почти ровесником своего отца, нас приняли бы за близнецов, доживи он до этого времени. А знаешь, в чем причина?

– Я хотел бы знать, мой господин, но вижу, что вам тяжело об этом говорить, – признался Бран.

– Я скажу, Бран, потому что хочу передать тебе тайну, которую уже нет сил нести, настолько она меня иссушила. Похорони эту тайну вместе со мной, когда настанет время, и забудь о ней, чтобы она не сгубила тебя так, как меня. Итак, слушай. Знаешь ли ты о великом походе прославленного Аттилы, которого римляне прозвали Бичом Божиим?

– Да, мой господин. Кто не слышал об этом? Лишь в страшной и неслыханной в истории битве, где poleglo столько воинов, сколько, говорят, людей проживает в Риме, закатилась звезда удачи великого вождя.

– Это я ее закатил! – усмехнулся Одоацер. – Я был оруженосцем Аттилы и носил его меч. Когда он кинулся в самую гущу битвы, я должен был подать ему меч. Но я не сделал этого.

– Но почему, мой господин?! – вскричал потрясенный Бран.

– Ты знаешь, чей это был меч? – спросил Одоацер. – Я тогда не знал, но в ночь перед битвой ко мне явился странный человек. Он поведал мне историю меча и снова исчез в ночи. Слушай внимательно, Бран!

Когда Александр Великий, повелитель и полководец, равных которому не было в этом мире, дошел до Индии, правитель одного из индийских княжеств в ужасе от неминуемого нашествия обратился к магу с просьбой найти способ отвлечь беду. Маг воззвал к силам подземного царства Тьмы, которое христиане называют Адом, и те ему передали выкованный в подземной кузнице меч. В нем, в этом мече, был заключен кровожадный демон Кавелла. Маг передал этот меч Александру и сказал – это меч Повелителя Мира и по праву должен принадлежать ему. И Александр ушел из Индии: он получил то, что желал. От вавилонских магов ему достались инсигнии Повелителя Мира: скипетр, подчиняющий воле Повелителя всех его подданных, и держава, хранящая созданную им империю от распада. По уверениям магов, в скипетре был заключен демон, а в державе – сразу два демона. Но инсигнии Повелителя Мира, давая силу власти, забирали у своего хозяина силу души. И Александр быстро сошел в могилу. После его смерти державу разделили соратники, а меч и инсигнии заполучил ставший властителем Египта Птолемей, который спрятал меч в Долине Мертвых в Египте. В конце концов они оказались у императора Октавиана Августа, который оставил державу со скипетром в Риме, а меч повелел хранить в одном из храмов, построенном в его честь в Паннонии. Там меч и попал к Аттиле...

Я не смог устоять перед соблазном и покинул Аттилу вместе с мечом Повелителя Мира. Когда Орест увенчал Ромула инсигниями, я понял: пришел мой час. Мальчишка Ромул, трясясь от страха, сам отдал мне инсигнии. И вот тут я почувствовал, как заключенные в инсигниях демоны забирают из меня силу жизни. Они помогали мне завоевывать и властвовать, забирая меня по частям. И вот от меня уже почти ничего не осталось.

Одоацер замолчал. Капли пота выступили на его лбу.

– Вам плохо, мой господин? – с беспокойством спросил Бран.

– Вон большой пенёк, Бран. Давай сядем на него и отдохнем, – предложил Одоацер.

Они спешили и сели на огромный замшелый пенёк.

– Я хотел отправить державу, скипетр и меч вместе со всеми инсигниями в Константинополь императору Зенону, но отослал только трон и золотой венок, – признался Одоацер. – Тогда я был не в силах расстаться с инсигниями Повелителя Мира. Но сейчас...

Одоацер поднялся и с неожиданной силой вонзил меч в пенёк. Меч ушел в растрескавшуюся древесину почти до самой рукояти. Одоацер приказал Брану:

– Вынь его!

Но, как Бран ни старался, меч он так и не смог достать: тот словно врос в пенёк.

– Так тому и быть! – облегченно вздохнул Одоацер. – Слушай мою волю, Бран! Найди того монаха, пусть он поставит часовню над этим пнем, хранит меч и молится за спасение моей души. А ты после моей смерти заберешь скипетр с державой – любой ценой! – и спрячешь их так, чтобы никто не нашел. Ты понял меня? Да, еще скажи папе римскому, чтобы тот велел разыскать и похоронить по христианскому обряду останки того монаха, которого я убил в Норике. Ты помнишь, как его звали?

– Да, мой господин, – подтвердил Бран. – Имя ему было – Северин.

* * *

Утром Тавров проснулся от звуков музыки. Некоторое время он пытался сообразить, что это за знакомый мотивчик, и, только когда музыка замолкла, вспомнил: это же его собственный мобильник! Потянулся к прикроватному столику за мобильником и нечаянно столкнул его на пол. Чертыхаясь и пыхтя, достал его из-под кровати. К счастью, мобила упала на коврик и не распалась на составные части. Тавров посмотрел на номер звонившего: это был Павлов. Тавров немедленно перезвонил ему.

– Доброе утро, Вадик! Ну, что тебе удалось нарыть по Брену и Шрайберу?

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Я собственно, не по этому поводу звоню. Хотя есть кое-какая информация. Короче, надо срочно повидаться!

– Я сейчас все еще за городом... – начал было Тавров, но Павлов торопливо его перебил:

– Да, я знаю! Давайте встретимся через три часа в том месте, где мы с вами «Гиннесс» пили. Годится?

Тавров понял: Павлов не хочет говорить из кабинета. И подтвердил:

– Хорошо.

Тавров сделал паузу. Павлов все не давал отбоя. Тавров ждал.

– И... Валерий Иванович, вы там в дороге поосторожней. Мои люди вас подстрахуют, но береженого, как говорится...

– Что, все так серьезно, Вадик?

– Да, – односложно ответил Павлов и дал отбой.

Глава 5

Павлов имел в виду ресторан «Луизиана». Они с Тавровым иногда заходили туда выпить по кружке «Гиннеса». В этот раз Тавров заказал английский эль.

Павлов опоздал на двадцать минут. Когда он ввалился в ресторанный зал, Тавров указал на стоявшую напротив него вторую кружку:

– А эль уже нагрелся. Заменить?

Павлов отмахнулся, плюхнулся на стул и залпом выпил полкружки.

– Пора заканчивать с этим удовольствием, – с сожалением заметил он. – Желудок ни к черту.

– Ты пришел поговорить о желудке? – улыбнулся Тавров. – У меня есть «Маалокс». Хочешь?

– Спасибо, у меня свои запасы, – отозвался Павлов и протянул листок бумаги Таврову. – Прежде всего возьмите вот это.

Тавров развернул листок и увидел выписанные в строчку даты и названия населенных пунктов.

– Это названия тех мест, куда ездил Шрайбер, приобретая билеты по своему паспорту, – пояснил Павлов. – Естественно, это касается только поездов дальнего следования и самолетов.

– А ездил туда действительно Шрайбер? – усомнился Тавров.

– Кое-где его запомнили кассиры, – ответил Павлов. – Сами понимаете – не часто иностранцы из Европы берут билеты до таких городов, как Камышин или Абакан. Кассиры опознали его по фотографии.

Павлов передал Таврову фотографию Шрайбера. Мужчина плотного телосложения лет пятидесяти, с характерным брыластым лицом и оттопыренными ушами. Впрочем, уши могли казаться оттопыренными из-за гладко выбритого черепа.

– Спасибо, Вадик! Весьма оперативно! – похвалил Тавров.

Вместо ответа Павлов спросил:

– Валерий Иванович, а вам что-нибудь говорит фамилия Саркисов?

Тавров отрицательно помотал головой.

– Так... а фамилия Варежко?

– Какая варежка?! – чуть не поперхнулся Тавров.

– Не варежка, а Варежко, – уточнил ударения Павлов. – Олег Варежко, весьма богатый человек, владелец РосИндустриалБанка. Не слышали?

Тавров вспомнил записку Брена. Так вот с кем должен был встретиться Брен в Алтуфьеве!

– А вот Варежко, как выяснилось, слышал о вас. И очень вами интересовался.

– Да неужто? – удивился Тавров.

– Да-да, интересовался, – подтвердил Павлов. – Он приказал собрать на вас досье.

– Откуда информация, Вадик? – насторожился Тавров.

– Налоговая полиция делала обыск в офисе Варежко. Там, в кабинете начальника службы безопасности банка, и обнаружили досье на Таврова Валерия Ивановича. Основу этих бумаг составляли фотокопии вашего личного дела из архива МВД, поэтому налоговики заподозрили неладное и обратились к нам. Сам Варежко сейчас находится за границей. Начальник службы безопасности показал, что две недели назад ему позвонил сам Варежко и приказал срочно собрать всю информацию о вас. Вот я и спрашиваю, Валерий Иванович: где это вы умудрились наступить на ногу такому серьезному человеку, как Варежко?

– Вадик, я сам не представляю! – развел руками Тавров. – Правда, я недавно выяснил, что Брен непосредственно перед своим исчезновением встречался с Варейко в Алтуфьеве. Я видел его записку, но не понял, что «Варежка» – это фамилия.

Тавров подробно рассказал о записке Брена и в заключение добавил:

– Только непонятно одно. Если Варейко встревожился из-за записки, то откуда он о ней узнал? Это было известно только редактору Зборовскому, но ведь он сам записку-то и обнаружил!

– Значит, Зборовский сказал о ней еще кому-то, – заключил Павлов. – Либо Варейко узнал, что вы расследуете исчезновение Брена, и забеспокоился. В любом случае есть серьезные основания подозревать, что он причастен к исчезновению Брена, а возможно, и Шрайбера. Как бы там ни было, вам надо быть осторожнее, Валерий Иванович! Кстати, вы слежки за собой не замечали?

– Хм... – задумался Тавров. – Честно говоря, не замечал.

– А ведь за вами «хвосты» ходят, Валерий Иванович, – невозмутимо проинформировал его Павлов. – Хорошо следят, грамотно, раз вы до сих пор не заметили.

– Ты знаешь, кто? – в упор спросил Тавров.

– Ну, не зря я спрашивал вас про Саркисова! Его люди и ходят. Мы это случайно выяснили, – сказал Павлов. – Я, как узнал про досье, забеспокоился и приставил пару своих ребят к вам в охрану. Вот они и заметили, что за вами еще два типа бегают. Они за вами и к дому Ефросиньи приехали. Мои ребята под видом охраны коттеджного поселка проверили их документы. Оказалось, что они работают в информационно-аналитическом центре «Глобус». А директором «Глобуса» – и хозяином, кстати говоря, – является этот самый Саркисов.

– Так это он приставил ко мне топтунов? Ну, так надо его допросить и выяснить, что он хочет, – предложил Тавров. – Я ведь на него и в суд подать могу.

Павлов криво усмехнулся:

– Видите ли, Валерий Иванович... Саркисов Артур Суменович, бывший генерал КГБ, а ныне директор информационно-аналитического центра, выполняющего заказы государственных структур, – не тот человек, дверь в кабинет которого полковник МУРа может открывать пинком ноги, даже имея в кармане бумагу за подписью прокурора. Я с утра созвонился с Саркисовым, и завтра он нас примет. В одиннадцать утра я за вами заеду, и мы отправимся к генералу. Ну а там уж... Что он захочет рассказать, то и расскажет.

– Расскажет ли? – усомнился Тавров.

– Думаю, да. Саркисов не станет лезть в криминал, в его нынешнем положении ему это совсем ни к чему, репутация дороже, – уверенно заявил Павлов.

* * *

Саркисов принял Павлова и Таврова точно в назначенное время. Радужно улыбаясь, он усадил гостей в глубокие кожаные кресла и предложил:

– Чай, кофе?

Павлов пожелал минеральной воды, а Тавров – кофе.

– Итак, полковник, что вас сюда привело? – обратился Саркисов к Павлову.

– Да вот, Валерий Иванович Тавров выражает удивление по поводу организованной за ним вашими сотрудниками слежки.

– Слежки? Моими сотрудниками? – удивился Саркисов. – Вы уверены, что это мои сотрудники?

– Уверен, – подтвердил Павлов.

Саркисов поднял трубку телефона.

– Виктор Иванович, у нас в документах фигурирует Тавров Валерий Иванович? Поищи, я подожду... Ага, нашел? Так, и что там? Вот как! Скажи Старкову, чтобы срочно доставил мне договор. Нет, ничего не случилось, просто надо прояснить один момент. Давай!

Саркисов положил трубку и сказал:

– Придется подождать минут пять.

Тавров допивал вторую чашку превосходного кофе, когда секретарша принесла Саркисову тонкую черную папку. Саркисов раскрыл папку, пробежал глазами ее содержимое и улыбнулся:

– Хочу вас успокоить, Валерий Иванович! Никто за вами не следит. Просто один наш клиент заключил договор с охранным подразделением нашего центра о вашей охране. Вас всего лишь охраняют, и по возможности незаметно. Никакая информация о ваших передвижениях и личной жизни клиенту не предоставляется. И должен заметить, что удовольствие это не из дешевых.

– А почему я об этом ничего не знаю? – осведомился Тавров.

– Таково условие клиента. Он хочет остаться неизвестным. Должен сказать, что никаких нарушений закона в этом нет. Впрочем, если вы сочтете, что ваши права в чем-то затронуты, ущемлены, то можете обратиться в суд. Мы раскроем имя клиента только в том случае, если последует решение суда.

– А фамилия вашего клиента случайно не Варежко?

– Варежко? – удивился Саркисов. – Почему вы так решили? А-а... понимаю. Это потому, что Варежко приказал своим людям собрать на вас досье? Не беспокойтесь, мы не стали бы заключать договор с Варежко или с кем-либо из его людей. Варежко замазан в криминале, им заинтересовались налоговики, а скоро заинтересуется и прокуратура.

– А откуда вы знаете, что Варежко собирал информацию о Таврове? – с подозрением спросил Павлов.

– Не беспокойся, полковник, утечка не по твоему ведомству, – усмехнулся Саркисов. – Я знаю только, что налоговики при обыске в офисе Варежко нашли досье на Таврова Валерия Ивановича. Вот и все. Надеюсь, я развеял ваши опасения, Валерий Иванович? Так что не беспокойтесь, вас просто охраняют. Кто-то очень волнуется за вашу жизнь и здоровье. И этот «кто-то» – человек не бедный. Итак, господа, если у вас все, то... Прошу меня извинить, но у меня очень много дел.

– Да, мы выяснили все, что хотели, – поднялся из кресла Павлов. – Спасибо, Артур Саркисович!

* * *

Павлов довез Таврова до дома. Исчезновение Брена не шло у Таврова из головы. Едва войдя в квартиру, он набрал номер Далинского.

– Здравствуйте, Валерий Иванович! – радостно откликнулся Далинский. – Что нового?

– Да, собственно... для вас пока нет ничего интересного. Я просто хотел попросить – перешлите мне по электронной почте те материалы, переданные вам Кайтелер. Это реально?

Далинский какое-то время молчал, потом сказал:

– Вполне. Я отсканировал и оригиналы, и перевод материалов и переслал их Кайтелер. Она уже оплатила эту работу, так что вам я перешлю копии бесплатно.

– Так у вас остались копии? – обрадовался Тавров.

– Она не оговаривала уничтожение копий, а я в таком случае всегда их оставляю, – ответил Далинский. – Я архивист, и для меня любой документ священен. Диктуйте ваш электронный адрес. Кстати, фра Арнольдо передал мне фотографии Шрайбера и Брена, так что я их тоже отсканирую и перешлю.

Тавров продиктовал адрес своего ящика на Яндексe и в ожидании ответа от Далинского решил выяснить, что такое инсигнии. Всеведущий Интернет немедленно удовлетворил его любопытство.

Инсигнии в широком смысле слова означали – символы власти. Понятно, что в таком ключе меч, скипетр и держава Повелителя Мира, несомненно, подпадали под это определение. Непонятно было одно: какое отношение они имели к металлической пластине, которой так интересовался Брен?

Тавров просмотрел почту, обнаружил там послание с вложением зашипованных файлов и с нетерпением распаковал архив. Там находились отсканированные копии дневника Дудича и манускрипта в PDF, а также вордовские доки с подстрочным переводом и комментариями. Впрочем, комментарии были лишь к дневнику Дудича. Тавров вспомнил, что Далинский не понял, о чем идет речь в манускрипте, и ограничился подстрочником, причем чужим.

Перевод манускрипта оказался достаточно коротким, и Тавров начал с него.

«Ты уже понял истинное значение предметов и теперь можешь проникнуть в самое сокровенное, в то, что было скрыто от всех, кто был до тебя. Ибо не человек определяет: кому, что и когда будет открыто. И есть в этом та печаль, что Посвященный обуреваем гордыней и не осознает, что не он выбрал свое Величие, но Величие выбрало его. Осознай это и смири порывы. И внимай тому, что будет сказано. Ибо это и есть суть того откровения, что должно быть доведено до тебя. Знай, что Анам и Атап, Кавелла и Норихон ждут своего часа обретения свободы. Но тот, кто обладает ими, должен их питать, пока они не освободятся. Взамен они даруют силу и власть: Анам, Атап и Норихон есть Власть, а Кавелла есть Сила. Но что дают, то и забирают. Заберет Кавелла души врагов, но и ты уплатишь ему дань. Пронесут Анам и Атап власть твою над теми, кто был врагом твоим, и ты уплатишь дань. Сделает твоих врагов слугами покорными Норихон, и тут твоя дань ему. Помни: даже у самого большого сосуда есть дно. И будешь платить ты им дань и питать их, пока не освободятся они от оков форм своих или пока не увидишь ты дно своего сосуда. И если пожелаешь их освободить, то знай, что путь тот не проходил еще никто, ибо не нашелся еще тот, кто не устрасился бы этого. Освободить Анама и Атапа легко: пусти их бежать по пути Кавеллы от Жизни до Смерти, и разделятся они, и не сольются, ярость их испепелит все вокруг, и горе тому, кто не встал под защиту Врат Миров и Норихона. Потому прежде сложи Врата, как было сказано раньше тебе. И помни: путь Кавеллы от Смерти до Жизни идет от начала сложения Врат. И огради себя Кругом, а внутри круга по четырем сторонам поставь печати, о которых раньше сказано было. И помни: Анам зрит Восход, а Атап зрит Закат, Кавелла рожден Низом, Норихон рожден Верхом. Верх пред тобой, Низ позади, узри Врата Миров. И если сделал все правильно, то сделай, как было уже сказано. И пробегут Анам и Атап путем Кавеллы от Жизни до Смерти, и разделятся они, но не смогут сойтись, ибо будут по разные стороны. Но не смогут разбежаться, ибо будут на одной стороне. И будет бег их бесконечен, как их ярость, сжигающая тех, кто не охранен Норихоном и Вратами. И выйдут на Свободу Кавелла и Норихон, и восславят Повелителя. И присоединится к ним войско, истомленное вечным ожиданием, и не рухнут Миры, но сольются под властью Повелителя Хаоса. И исчезнет Жизнь, но не станет Смерти. Предначертанье сбывается, но мощной дорогой способен идти и слепой. И если зрячий идет тем же путем, то в чем его преимущество перед слепым? Несущий камень должен думать о храме, что воздвигается из этих камней, а не о больной спине. Каждый слышит слово, но не каждому дано осознать его суть. Есть ноша, которую нельзя сбросить, но можно переложить: так умирающий назначает опекуна над своими детьми. Что сказано, то брошено в землю и не пропадет: плодородная почва взрастит урожай, а мертвая брошенное сохранит в целости».

Тавров не понял ничего. Впрочем, Далинский тоже не понял. Да и надо ли понимать? Пока нет доказательств, что манускрипт интересовал Брена. Зато его интересовала госпожа Кайтелер. Почему? Это необходимо выяснить, но для разговора с Кайтелер надо ехать в Питер.

А вот Кудасов живет в Москве. У него есть артефакт, которым так живо интересовался Брен. Значит, следует начать с него.

Тавров нашел в записной книжке номер телефона Кудасова, сообщенный ему Далинским. Звонки шли довольно долго, и ответили ему только со второй попытки:

– Слушаю.

Голос глухой, недовольный.

– Это господин Кудасов?

– А это кто?

Довольно неприветливо. Впрочем, когда на ваш мобильник звонит незнакомый человек, это всегда вызывает некую настороженность.

– Частный детектив, Тавров Валерий Иванович. Я вам уже звонил, помните? Ваш номер телефона мне дал господин Далинский. Я хотел бы поговорить с вами.

– По поводу чего?

– По теме, представляющей для нас взаимный интерес, – уклончиво ответил Тавров.

– Я вас не знаю, а потому вряд ли у нас может быть тема, представляющая взаимный интерес, – немедленно ответил Кудасов и отключился.

Тавров чертыхнулся и снова полез в записную книжку, чтобы выяснить имя и отчество на редкость неприветливого уфолога. Затем набрал номер снова.

– Владислав Александрович, не валяйте дурака, а послушайте хотя бы минуту, – раздраженно сказал Тавров.

– Что вам нужно?

– Я расследую исчезновение Виктора Брена, и по этому поводу нам необходимо побеседовать.

– Я никогда не видел никакого Виктора Брена, а потому ничем не могу вам помочь, – ответил Кудасов. – И, насколько я помню, я вам это уже говорил.

– Вы, вообще, поняли, что речь идет об исчезновении человека, который почему-то заинтересовался вами, хотел с вами непременно связаться и вскоре после этого пропал при весьма странных обстоятельствах? – вкрадчиво осведомился Тавров. – Подумайте, что будет, если вдруг завтра обнаружат труп Брена! Вам наверняка придется давать показания в милиции, и скорее всего в качестве подозреваемого. Меня же вызовут свидетелем, и я обязательно сообщу органам, что вы отказались отвечать на мои вопросы. Согласитесь, что в сложившихся обстоятельствах встретиться со мной – в ваших интересах.

– Хорошо, завтра я вам перезвоню, – после небольшой паузы предложил Кудасов.

– Я предлагаю встретиться сегодня, в любое время и в любом указанном вами месте, – выдвинул контрпредложение Тавров.

– Давайте в восемь вечера, в Марьине, в трактире «Елки-палки», – вздохнул Кудасов. – И предупреждаю: у меня будет в распоряжении не больше часа.

– Надеюсь, этого окажется достаточно. Я одет в темно-синие брюки и синюю рубашку с короткими рукавами. В руках буду держать газету «Аргументы и факты».

Кудасов хрюкнул в трубку и поинтересовался:

– А пароль?

– Мы сегодня оба одинаково небрежны, – серьезно ответил Тавров и дал отбой.

* * *

Зал в марьинских «Елках-палках» оказался небольшим и не очень уютным. Главное достоинство: не слишком шумно и рядом с метро. Кудасов был уже на месте. Тавров сразу узнал его по описанию Далинского. Лет тридцати пяти, высокий, худощавый, с редкими волосами и сухим лицом аскета. Он сосредоточенно пил пиво и курил сигарету. В пепельнице перед

ним уже лежали три окурка. Видимо, он дымил непрерывно, потому что едва официант поменял пепельницу, как Кудасов тут же прикурил сигарету от окурка, а окурочек с силой вдавил в стеклянное дно.

Тавров подошел к Кудасову, бросил на столик газету и спросил:

– Извините, здесь свободно?

Кудасов поднял глаза, усмехнулся и произнес:

– Да, конечно... Мы сегодня оба одинаково небрежны. – И сказал проходившему мимо официанту: – Еще две кружки пива и пару пирожков с мясом. Здесь превосходные пирожки, – пояснил он Таврову и спросил: – Слушайте, я все никак не могу вспомнить: откуда эта фраза, про небрежность?

– «Щит и меч», – ответил Тавров, изучая меню.

– Черт, забыл классику! – посетовал Кудасов. – Ну, давайте к делу.

Тавров достал из кармана и выложил на стол шесть фотографий. На четырех из них были совсем незнакомые Таврову люди: он специально держал эти снимки для опознаний. А на двух оставшихся – Брен и Шрайбер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.